

ДЖЕЙМС ХЭРРИОТ

Удивительно светлая и теплая книга,
проникнутая любовью...

Library Journal

О всех
созданиях —
прекрасных
и разумных

Азбука-бестселлер

Джеймс Хэрриот

**О всех созданиях –
прекрасных и разумных**

«Азбука-Аттикус»

1973, 1974

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Хэрриот Д.

О всех созданиях – прекрасных и разумных / Д. Хэрриот —
«Азбука-Аттикус», 1973, 1974 — (Азбука-бестселлер)

ISBN 978-5-389-19270-6

Смешные и трогательные рассказы о животных английского писателя и ветеринара Джеймса Хэрриота переведены на десятки языков. Его добродушный юмор, меткая наблюдательность и блестящий дар рассказчика вот уже несколько десятилетий завоевывают все новых читателей, не переставая удивлять, насколько истории из практики «коровьего лекаря» могут быть интересными. А насколько будни сельского ветеринара далеки от рутины, не приходится и говорить! Попробуйте, например, образумить рассвирепевшего бычка, или сдвинуть с места заупрямившуюся свинью, или превратить в операционную стойло, не забывая при этом об острых зубах и копытах своих четвероногих пациентов. В настоящем издании представлена книга Хэрриота «О всех созданиях – прекрасных и разумных» (1974), в которой, как и в сборнике «О всех созданиях – больших и малых», автор вновь обращается к первым годам своей ветеринарной практики в Дарроуби, вымышленном городке среди йоркширских холмов, за которым проступают черты Тирска, где ныне находится всемирно известный музей Джеймса Хэрриота.

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-389-19270-6

© Хэрриот Д., 1973, 1974

© Азбука-Аттикус, 1973, 1974

Содержание

Интересный визит к мистеру Кендаллу	7
Искусство лечить не просыпаясь	13
Джок, самая быстрая собака	19
Стойкий ягненок Герберт	23
Пес-великан	29
Беда всегда ходит циклонами	34
Свинья Пруденция свою выгоду знает	39
Кольцо в нос за двадцать минут	44
Друзья и враги домашнего вина	48
Собака миссис Донован	54
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Джеймс Хэрриот

О всех созданиях – прекрасных и разумных

© И. Г. Гурова (наследник), перевод, 1987, 2007

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2021

Издательство АЗБУКА®

Интересный визит к мистеру Кендаллу

Делать этого, конечно, не следовало, но старая гуртовая дорога властно меня манила. После утреннего объезда следовало торопиться в приемную, однако широкая зеленая тропа так чарующе вилась по вершине среди вереска между осыпающимися каменными стенками! И я сам не заметил, как вышел из машины и зашагал по жесткой упругой траве.

Однако стенка отгораживала дорогу от крутого склона, а внизу вдали, в зеленой складке холмов, прятался Дарроуби. В ушах у меня гремел ветер, но я сел, прислонился к серым камням, и ветер превратился в чуть слышный шепот, а лицо мне согрело весеннее солнце – не жгучее, не жаркое, а золотистое, теплое, каким оно бывает только под защитой каменной стенки в Йоркшире, над которой поет ветер.

Я вытянул ноги и раскинулся на дерне, щурясь в сияющее небо, купаясь в блаженном забвении остального мира с его заботами.

Для меня это состояние было – и остается сегодня – особой радостью: это нежелание спускаться с вершин, эта потребность выбраться из стремительного потока жизни и несколько секунд побыть на его берегу никуда не торопящимся, посторонним зрителем.

Так просто! Лежать одному в тишине там, где только ветер вздыхает и посвистывает над пустынным простором, а высоко-высоко в необъятной голубизне нескончаемо звенит веселая песенка жаворонков.

Впрочем, спускаться вниз, в Дарроуби, тоже было очень приятно, даже тогда, когда я еще не был женат. Ведь до того, как Хелен вошла в мою жизнь, я уже работал там два года; Скелдейл-хаус стал для меня родным домом, а двое его незаурядных обитателей – моими друзьями. Меня ничуть не угнетало, что братья были заметно талантливее меня. Зигфрид – непредсказуемый, импульсивный, щедрый сердцем. Мне очень повезло с моим партнером. Откуда у меня, городского мальчишки, хватило бы дерзости наставлять потомственных фермеров, как ухаживать за их больной скотиной, если бы я не находил опоры в его знаниях и руководстве? И Тристан, шалопай, как его называли, но какая умница, какая широкая натура! Его юмор и жизнерадостность вносили много света в мою жизнь.

А я все время набирался практического опыта в дополнение к теоретическим знаниям. Костяк сухих фактов, полученных в колледже, обрастал живой плотью, и во мне росла чудесная уверенность, что именно это мне и нужно, что я нашел свое призвание.

Минут через пятнадцать я поднялся на ноги, неторопливо потянулся, глубоко вдохнул хрустальный воздух и побрел к машине, чтобы по петляющей дороге спуститься в Дарроуби, от которого меня отделяло шесть миль.

Когда я затормозил у чугунной ограды, где сбоку от прекрасной двери восемнадцатого века медная дощечка с фамилией Зигфрида кривовато висела над моей, я взглянул наверх, на стену высокого старинного дома, на плющ, буйно выющийся по изъеденному временем и ветрами кирпичу. Белая краска на дверях и оконных рамах облупилась, плющ следовало бы аккуратно подстричь, и тем не менее у этого здания был свой стиль – непреходящее безмятежное изящество.

Но мои мысли в эти минуты занимало совсем другое. Тихонько ступая по цветным плиткам пола в коридоре, я бесшумно добрался до поворота в длинную пристройку к заднему фасаду. И как всегда, ощутил переполнявший ее запах нашей профессии – запах эфира, карболки и душистых порошков, которые мы подмешивали в лекарства для рогатого скота, чтобы сдобрить их вкус. Порошки эти обладали таким букетом, что и сейчас стоит мне его вдохнуть, как я переносусь на тридцать лет назад в прошлое.

А в этот день восприятие было тем острее, что цель моего появления там была не вполне невинной. Последний отрезок коридора я прошел уже на цыпочках, быстро свернул за угол и

юркнул в аптеку. Затем бесшумно открыл дверцу шкафчика и выдвинул ящик. Я был твердо уверен, что Зигфрид спрятал в нем запасной копытный нож, и чуть было не испустил торжествующий смешок, когда ожидания меня не обманули. Вот он! Новехонький, с наточенным сверкающим лезвием и полированной деревянной ручкой.

Моя рука уже потянулась к нему, но тут над ухом раздался гневный вопль:

– А, попался! На месте преступления, черт подери!

Зигфрид, который, по-видимому, возник прямо из пола, метал в меня молнии.

Потрясение было столь велико, что нож выпал у меня из дрожащих пальцев и я прижался к бутылкам с формалиновой смесью.

– А... Зигфрид... добрый день, – выдавил я с вымученной улыбкой. – А я как раз собрался к Томпсону. К его лошади. Ну да вы знаете: у нее копыто загноилось. Мой нож куда-то запропастился, вот я и решил взять пока этот.

– Слямзить решили, так вернее будет! Мой запасной копытный нож! Право, Джеймс, для вас нет ничего святого!

От смущения я еще раз улыбнулся:

– Ну что вы! Да я бы сразу положил его на место.

– Рассказывайте вашей бабушке! – произнес Зигфрид с горькой усмешкой. – Больше бы я его не увидел, как вы прекрасно знаете. И вообще, где ваш нож? Забыли где-нибудь на ферме, так?

– Ну-у... По правде говоря, я подрезал копыто коровы Уилли Денхолма, а когда кончил, положил нож и, наверное, забыл его захватить с собой. – Я беззаботно засмеялся.

– Но как же так, Джеймс?! Вы вечно забываете инструменты! И выходите из положения, похищая мои! – Он вздернул подбородок. – Вы представляете себе, во что мне это обходится?

– Но ведь мистер Денхолм конечно же вернет нож, как только приедет за чем-нибудь в город.

Зигфрид удрученно кивнул:

– Не исключено. Да, не исключено. Но с другой стороны, вдруг он решит, что лучшего ножа, чтобы резать прессованный табак, не найти? Вспомните-ка комбинезон для отелов, который вы позабыли у Фреда Добсона. Снова я его увидел только через полгода – на старике Фреде! Он еще сказал, что лучшей одежды, чтобы жать в мокрядь, и не придумаешь.

– Я помню. И искренне сожалею...

Я умолк, вдыхая въедливый аромат порошков. Пакет на полу порвался, и запах был даже крепче обычного.

Мой партнер еще несколько секунд жег меня взглядом, а затем сказал, пожимая плечами:

– Ну да никто из нас не безупречен, Джеймс. Извините, что я на вас накричал. Но вы же знаете, я очень люблю этот нож, и меня безумно раздражает манера все везде забывать. – Он снял с полки бутылку с микстурой от колик, особенно им ценимой, обтер стекло носовым платком и поставил бутылку на место. – Вот что, пойдемте-ка присядем на минутку и хорошенько обсудим эту проблему.

Мы пошли назад по коридору и свернули в гостиную. Тристан при виде нас встал со своего любимого кресла и зевнул во весь рот. Его лицо выглядело таким же мальчишески простым, как всегда, но усталые морщины вокруг глаз и губ говорили сами за себя. Накануне вечером он с командой метателей дротиков «Лорда Нельсона» ездил в Дрейтон и принимал участие в труднейшем состязании с командой «Пойнтера и ружья». В заключение они плотно поужинали и выпили литров по шесть портера на душу. Тристан добрался до постели около трех ночи и сейчас явно был в весьма разбитом состоянии.

– А, Тристан! – сказал Зигфрид. – Рад, что ты здесь, потому что то, о чем я буду говорить, касается тебя не меньше, чем Джеймса, – о привычке забывать инструменты на фермах, которая тебе свойственна в той же мере, что и ему. Я говорю очень серьезно, – продолжал

мой партнер, опираясь локтем о каминную полку и глядя на нас поочередно. – Вы оба постоянно теряете дорогие инструменты и довели меня почти до банкротства. Конечно, кое-какие из них вам возвращают, но многие пропали бесследно. Какой смысл посылать вас куда-нибудь, если вы возвращаетесь без корнцангов, или ножниц, или щипцов? Ведь это чистый убыток, вы понимаете?

Мы безмолвно кивнули.

– В конце концов, разве так уж трудно вернуться со всеми инструментами? Возможно, вас ставит в тупик, почему я никогда ничего не забываю; ну так надо быть внимательным, и только. Когда я откладываю инструмент, я всегда запечатлеваю в памяти, что его надо будет потом взять. И всё.

Покончив с нотацией, он принял деловитый тон:

– Ну хорошо. Не будем терять времени. Ничего срочного нет, Джеймс, а потому мне хотелось бы, чтобы вы поехали со мной к Кендаллу в Бруксайд. Всякие мелочи, и еще корова, у которой надо удалить опухоль. Подробности не знаю, но, возможно, ее придется повалить. К Томпсону поедете оттуда. – Он повернулся к брату. – И ты тоже, Тристан. Не знаю, понадобится ли ты, однако лишний человек может пригодиться.

Мы образовали довольно внушительную процессию, входя во двор мистера Кендалла, который встретил нас с обычным своим энтузиазмом:

– О-го-го! Ну, в рабочей силе у нас нынче недостатка не будет, как погляжу. С такой оравой горы своротить можно!

Мистер Кендалл слыл в округе «смекалистым», что в Йоркшире имеет свое особое значение и подразумевает всезнайку. А то, что он вдобавок обожал всяческие розыгрыши и считал себя присяжным остряком, отнюдь не завоевало ему любви окрестных фермеров. Мне он казался человеком, скорее, неплохим, но неколебимое убеждение, что он все знает, все успел повидать на своем веку, одевало его непробиваемой броней.

– Так с чего бы вы хотели начать, мистер Фарнон? – осведомился этот плотный толстячок с круглым гладким лицом и ехидными глазками.

– Если не ошибаюсь, у одной из ваших коров что-то с глазом, – ответил Зигфрид. – Так с нее и начнем.

– Есть, ваша честь! – воскликнул фермер и сунул руку в карман. – Только для затравки возьмите вот эту штуковину. – И он протянул ему стетоскоп. – Вы ее давеча забыли.

Наступила пауза, затем Зигфрид буркнул «спасибо» и поспешно выхватил стетоскоп из рук фермера. А тот продолжал:

– А раньше вы оставили кастрационные щипцы. Вот и вышла честная мена: я вам щипчики, а вы мне трубочку взамен оставили! – И он захохотал.

– Да-да, совершенно верно, – оборвал его Зигфрид, тревожно косясь на нас. – Но потопиримся. Так где же...

– Знаете, ребята, – сказал фермер, оборачиваясь к нам и все еще посмеиваясь, – не было такого случая, когда он чего-нибудь да не забывал.

– Правда? – спросил Тристан с горячим интересом.

– Ага! Да оставляй я все эти штучки себе, у меня бы их уже полный ящик набрался.

– Неужели? – вставил я.

– Из песни слова не выкинешь, молодой человек. И со всеми моими соседями то же самое. На днях кто-то мне так и сказал: «До чего же мистер Фарнон щедрый человек. Как заедет, так обязательно что-нибудь на память оставит!»

И он снова разразился веселым хохотом.

Нам с Тристаном было жаль прерывать этот разговор, но мой партнер уже широким шагом направился к коровнику.

– Где же эта чертова корова, мистер Кендалл? У нас не так уж много времени.

Найти пациентку оказалось нетрудно: упитанная, светло-бурой масти корова повернула голову и оглядела нас одним глазом. Второй был почти закрыт, и сочащиеся сквозь ресницы слезы оставляли темную дорожку на морде. Веки мучительно подергивались.

– Чем-то она его засорила, – пробормотал Зигфрид.

– Это я и сам знаю. – Мистер Кендалл всегда все знал сам. – Ость ей впиалась в глаз, только вот добраться до нее я не могу. Сами поглядите!

Он ухватил корову за морду одной рукой, а пальцами другой попытался раздвинуть веки, но по главному яблоку скользнуло третье веко, и оно закатилось, так что видна была только белая поверхность склеры.

– Видали! – воскликнул фермер. – И ничего не разобрать. Закатывает глаз, да и все тут. Зигфрид повернулся к брату:

– Тристан, принеси из машины намордник для хлороформа. И поживее!

Тристан обернулся меньше чем за минуту. Зигфрид быстро натянул на морду коровы парусиновый мешок и застегнул его за ушами. Из банки со спиртом он извлек особые щипчики с пружинкой и нацелил их на закрытый глаз.

– Джеймс! – скомандовал он. – Дайте ей унцию!

Я накапал хлороформ на губку перед самой коровьей мордой. Секунд десять все оставалось по-прежнему, но вот, несколько раз вздохнув, корова вдруг широко раскрыла изумленные глаза, ощутив в горле неведомые одурманивающие пары.

Вся пораженная часть глаза оказалась перед нами – поперек темной радужной оболочки золотистой чертой лежала ость. Впрочем, я даже не успел ее разглядеть, как Зигфрид защебил ее щипчиками и выдернул.

– Тристан, выдави ей в глаз немного вот этой мази, – распорядился он. – А вы, Джеймс, снимите намордник, пока ее не зашатало.

Корова, избавившись не только от намордника, но и от занозы в глазу, поглядела вокруг с явным облегчением. Вся операция не заняла и двух минут и была проделана с образцовой точностью, но мистер Кендалл, несомненно, счел ее не стоящим внимания пустяком.

– Ну и ладно, – пробурчал он. – Пошли дальше.

Мы двинулись по проходу, и, случайно поглядев за дверь, я увидел лошадь, которую вели через двор. Зигфрид кивнул на нее:

– Это что, тот мерин, у которого я оперировал свищ холки?

– Он самый, – равнодушно ответил фермер.

Мы вышли во двор, и Зигфрид провел ладонью по плечам коня. Только широкий рубец на холке напоминал о зловонном гнойнике, мучившем животное несколько недель назад. Рана зажила безупречно. Свищи трудно поддаются лечению, и я живо представил себе, как Зигфрид иссекает омертвевшие ткани, как чистит рану, пока не остались только здоровые мышцы и кость. Его усилия увенчались полным и блистательным успехом.

Зигфрид еще раз на прощание похлопал своего бывшего пациента по холке:

– Недурно было сделано.

Мистер Кендалл пожал плечами и зашагал назад к коровнику, бросив через плечо:

– Да, вроде бы неплохо.

Но сказал он это с полным безразличием.

Корова с опухолью стояла возле самой двери. Новообразование, круглое, гладкое, точно яблоко, торчало в промежности пальца на два правее хвоста.

Мистер Кендалл уже вновь бушевал:

– Посмотрим, посмотрим, как вы с этим справитесь! Чем будете выковыривать такую штукенцию? Смотрите, до чего здоровенная! Без мясницкого ножа, а то и пилы вам не обойтись! А ее-то как, усыплять станете или свяжете? – Он ухмылялся и поочередно сверлил каждого из нас посверкивающими глазками.

Зигфрид протянул руку, ухватил опухоль и начал кончиками пальцев ощупывать ее основание:

– Гм!.. да... гм... Принесите мне, пожалуйста, воды, мыло и полотенце.

– Все готово, за дверьми стоит! – Мистер Кендалл выскочил во двор и тотчас вернулся с ведром.

– Благодарю вас, – сказал Зигфрид, вымыл руки и долго вытирал их полотенцем. – А теперь что? Если не ошибаюсь, теленок с поносом?

Фермер вытаращил глаза:

– Верно, имеется такой. Только, может, прежде все-таки уберете с коровы эту шишку?

Зигфрид аккуратно сложил полотенце и повесил его на нижнюю створку двери.

– Опухоль я уже удалил, – сказал он невозмутимо.

– Как так?

Мистер Кендалл уставился на коровий хвост, мы с Тристаном тоже. Да, бесспорно, – опухоль исчезла. И еще чудо: на шкуре не осталось ни шрама, ни царапины, ни другого свидетельства, что она там была. Я стоял совсем рядом с коровой и вперял взгляд в то самое место, где минуту назад торчал этот безобразный бугорок, – и хотя бы капелька крови на шерсти! Ну абсолютно ничего.

– А-а... – неопределенно протянул мистер Кендалл. – Вы... э... значит, удалили... Ага, удалили ее, значит.

Улыбка исчезла с его лица, и он сразу угас. В своей излюбленной роли человека, который все знает и ничему не удивляется, он не мог спросить прямо: «Когда ж это вы, черт подери, ее удалили? Как? И где же она?» Ему любой ценой надо было спасти свое достоинство, но случившееся его явно потрясло. Он шарил взглядом по стойлу, по стоку. Но стойло было чисто выметено – ни клочка сена, ни соломинки, и на полу ничего не валялось. Небрежно, словно невзначай, он отодвинул ногой табурет для доения. Но и под ним – ничего.

– Ну, так посмотрим теленка, – сказал Зигфрид и пошел по проходу. Мистер Кендалл закивал:

– Да-да! Теленок! Он вон в том углу. Я только ведро захвачу.

Это был явный предлог. Он пошел за ведром вокруг коровы и, оказавшись позади нее, быстро выхватил очки, водрузил их на нос и ожег взглядом коровий зад. Все это заняло не более секунды, потому что выдавать своего огорчения он не хотел, но, когда присоединился к нам, его лицо дышало безнадежным отчаянием, и он уныло снял очки, словно признавая свое поражение.

Тем временем я толкнул Зигфрида локтем и прошипел:

– Где она, черт возьми?

– У меня в рукаве, – шепнул Зигфрид, не шевельнув губами и сохраняя прежнюю невозмутимость.

– Что?.. – начал было я, но Зигфрид уже перелезал через дверцу в закуток, где к стене жался теленок.

Он осматривал малыша, источая доброжелательность, а потом делал ему инъекцию, все время болтая о том о сем, и мистер Кендалл, надо отдать ему должное, сумев выдать на своем лице улыбочку, вносил должную лепту в разговор. Но его рассеянность, расстроенные глаза и недоверчивые взгляды, которыми он нет-нет да обводил проход, выдавали, чего это ему стоило.

А Зигфрид не торопился. И, даже кончив заниматься теленком, еще некоторое время медлил во дворе, обсуждая погоду, травостой, цены на упитанных бычков.

Мистер Кендалл страдал, но не сдавался. Однако к тому времени, когда Зигфрид наконец помахал ему рукой на прощание, глаза фермера совсем вылезли на лоб, а лицо превратилось в

трагическую маску. Машина еще только начала разворачиваться, а он уже юркнул в коровник, и я успел увидеть в открытую дверь, что он снова нацепил очки и всматривается в темный угол.

– Бедняга! – заметил я. – Все еще пытается ее отыскать. Но, пожалуйста, скажите, где она все-таки?

– Я же вам сказал! – Зигфрид снял одну руку с руля и встряхнул ее. Ему в ладонь скатился розовый шар.

Я изумленно уставился на опухоль:

– Но... я не заметил, как вы... Что произошло?

Зигфрид снисходительно улыбнулся:

– Я ее ощупывал, проверяя, глубоко ли она сидит. И вдруг почувствовал, что она задвигалась у меня под пальцами. Под самой кожей сидела. И чуть я нажал посильнее, как она выпрыгнула наружу – и угодила прямо мне в рукав. А края кожи тут же сомкнулись, так что никакого следа не осталось. Удивительная вещь, надо признаться.

Тристан перегнулся через спинку сиденья.

– Дай ее мне, – сказал он. – Захватчу ее с собой в колледж и сделаю срезы. Установим, что это за штука.

Его брат улыбнулся:

– Наверное, выяснится, что она носит какое-нибудь пышное название. Но для меня она навсегда останется тем, что все-таки выбило мистера Кендалла из колеи!

– Вообще интересный визит, – сказал я. – И меня восхитило, как вы вытащили эту занозу из глаза, Зигфрид. Блестяще, надо признаться.

– Вы очень любезны, Джеймс, – проворковал мой партнер. – Просто один из моих давних приемов. Ну и, конечно, щипчики заметно облегчают дело.

Я кивнул:

– Да, они просто прелесть. Ничего похожего я никогда не видел. Где вы их нашли?

– В киоске с инструментами на последнем ветеринарном конгрессе. Выложил кучу денег, но они того стоят. Вот посмотрите... – Он сунул руку в нагрудный карман, потом пошарил в боковых, и, пока он продолжал ощупывать пиджак, по его лицу медленно разливалось выражение унылой безнадежности.

Наконец он оставил поиски, откашлялся и устремил взгляд на шоссе впереди.

– Я... э... покажу их вам как-нибудь в другой раз, Джеймс, – произнес он сипло.

Я промолчал, но я-то знал. Как и Зигфрид, как и Тристан.

Мы все трое знали, что он забыл их на ферме.

Искусство лечить не просыпаясь

Когда я забрался в постель и обнял Хелен, мне вновь пришло в голову, что мало какое наслаждение в мире сравнимо с возможностью согреться возле любимой женщины, когда ты промерз до мозга костей.

Электрических одеял в тридцатых годах не было и в помине. А как бы они тогдагодились сельским ветеринарам! Просто поразительно, до какой степени способен окоченеть человек, когда его в глухую ночь стаскивают с постели, а затем он раздевается в холодном коровнике или хлеву, еще совсем сонный и вялый. И даже возвращение в постель превращалось в муку: сколько раз я, обессилив, битый час тщетно пытался уснуть, а заледеневшие руки и ноги никак не желали отходить.

Но с тех пор, как я женился, все это кануло в область мрачных воспоминаний. Хелен пошевелилась во сне – она уже привыкла к тому, что ее муж ночью исчезает, а затем появляется вновь, превращенный в ледышку, – и инстинктивно теснее прижалась ко мне. С блаженным вздохом я ощутил, что отогреваюсь, и тотчас события двух последних часов отодвинулись в неизмеримую даль.

Все началось с требовательного телефонного звонка у меня над ухом в час ночи. Уже наступило воскресенье, а у фермеров была привычка: после долгого субботнего вечера зайти поглядеть скотину, да и решить, что без ветеринара тут никак не обойтись.

На этот раз звонил Гаролд Инглдью. И я сразу же сообразил, что он только-только успел вернуться после обычных своих пяти литров пива в «Четырех подковах», где не очень-то соблюдался час закрытия, установленный законом.

В хрипловатом дребезжании его голоса проскальзывала предательская невнятность.

– Овца у меня не того. Приедете, что ли?

– Она очень плоха? – В дурмане сна я всегда цепляюсь за надежду, что в одну прекрасную ночь услышу в ответ: «Да нет, пожалуй. Можно и до утра подождать...» Надежда эта неизменно остается тщетной. Обманула она меня и на этот раз.

– Куда уж хуже-то. Вот-вот помрет.

«Нельзя терять ни секунды!» – мрачно подумал я. Впрочем, она, вероятно, помирала весь вечер, пока Гаролд предавался возлияниям.

Однако нет худа без добра: больная овца ничем особо страшным не грозила. Другое дело, когда выбираешься из-под одеяла в ожидании тяжелой и долгой работы, а у самого ноги от слабости подгибаются. Но с овцой я, без сомнения, сумею обойтись методикой полубдения, а попросту говоря, успею съездить туда, сделать все, что потребуется, и вернуться под одеяло, так до конца и не проснувшись.

Ночные вызовы на фермы настолько обычны в нашей практике, что мне волей-неволей пришлось усовершенствовать вышеупомянутую методику, как, подозреваю, и многим моим коллегам. И должен сказать, я много раз прекрасно со всем справлялся, так и не выходя из сомнамбулического состояния.

И вот, не открывая глаз, я на цыпочках прошел по коврику и натянул рабочий костюм, затем все так же в полудреме спустился по длинным лестничным маршам, открыл боковую дверь... но тут даже и под защитой садовой стены ветер ударил мне в лицо с такой силой, что никакая методика не помогла. Совсем пробудившись, я вывел машину задним ходом из гаража, тоскливо слушая, как стонут в темноте верхушки гнувшихся вязов.

Впрочем, выехав из города, я все-таки сумел погрузиться в полусон и принялся размышлять об удивительных противоречиях в характере Гаролда Инглдью. Неумная страсть к пиву совершенно не вязалась с его обликом. Это был шуплый старик лет семидесяти, тихий как мышь, и, когда в базарный день он изредка появлялся у нас в приемной, от него было

трудно слова добиться: пробормочет что-нибудь и снова надолго замолкает. Одетый в выходной костюм, явно мешковатый – морщинистая шея сиротливо торчала из воротничка, – он являл собой портрет благопристойнейшего, тишайшего обывателя. Водянистые голубые глаза и худые щеки дополняли это впечатление, и лишь густой багрянец на кончике носа намекал на иные возможности. Его соседи в деревне Терби отличались степенностью, лишь изредка позволяя себе пропустить за дружеской беседой кружечку-другую, и не далее как неделю назад один из них сказал мне не без горечи:

– Гаролд-то? От него просто спасу нет!

– То есть как это?

– А вот так. Каждый субботний вечер и еще когда с рынка воротится, уж он обязательно будет распевать во всю глотку до четырех утра.

– Гаролд Ингльдю? Быть не может! Он же такой тихий, неприметный!

– Да только не по субботам.

– Просто представить себе не могу, чтобы он – и вдруг запел!

– Вы бы пожили с ним бок о бок, мистер Хэрриот! Ревет, что твой бык. Никто глаз сомкнуть не может, пока он не утомонится.

Этим сведениям я затем получил подтверждение из другого источника. А миссис Ингльдю, объяснили мне, потому мирится с вокальными упражнениями мужа по субботам, что все остальное время он безропотно ей подчиняется.

Дорога в Терби круто уходила то вниз, то вверх, а затем нырнула с гребня в долину, и я увидел полумесяц спящих домов у подножия холма, днем мирно и величаво вздымающегося над крышами, но теперь жутко черневшего в свете луны.

Едва я вылез из машины и торопливо зашагал к задней двери дома, как ветер снова на меня набросился и я сразу очнулся, словно в лицо мне выплеснули ушат ледяной воды. Но я тут же забыл о холоде, оглушенный немислимыми звуками. Пение... хриплое надрывное пение гремело над булыжным двором.

Оно вырывалось из освещенного окна кухни.

Нежно льется песня, угасает день...

Я заглянул в окошко и увидел, что Гаролд сидит, вытянув ноги в носках к догорающим углям в очаге, а его правая рука сжимает бутылку с портером.

В сумерках безмолвных тишина и лень! —

выводил он от всей души, откинув голову, широко разевая рот.

Я забарабанил в дверь.

Пусть устало сердце от дневных забот! —

ответил жиденький тенорок Гаролда, обретая мощь баса-профундо, и я вновь принялся нетерпеливо дубасить по филенке.

Рев стих, но я ждал невероятно долго, пока наконец не щелкнул замок и не скрипнул отодвигаемый засов.

Щуплый старикашка высунул нос в дверь и поглядел на меня с недоумением.

– Я приехал поглядеть, что у вас с овцой.

– Верно! – Он коротко кивнул без следа обычной стеснительности. – Сейчас. Только сапоги натяну. – Дверь захлопнулась перед самым моим лицом, и я услышал визг задвигаемого засова.

Как ни был я ошеломлен, но все же не сумел сообразить, что у него не было ни малейшего желания оскорбить меня. Задвинутый засов свидетельствовал только, что он машинально проделывает привычные движения. Тем не менее он оставил меня стоять в не слишком уютном уголке. Любой ветеринарный врач скажет вам, что во дворе каждой фермы обязательно есть места, где заметно холоднее, чем на вершине самого открытого холма, и я находился именно в таком месте. Сразу же за кухонной дверью зиял черный провал арки, за которой начинались поля, и оттуда тянуло такой арктической стужей, что я окоченел бы и в куда более теплой одежде.

Я поеживался, притопывая, прихлопывая, и тут вновь загремело пение:

Помнишь речку под горою, Нелли Дин?

Я метнулся к окошку: Гаролд, вновь расположившись на стуле, без особой спешки натягивал на ногу большой башмак. Ни на секунду не умолкая, он слепо тыкал шнурком в дырочку и время от времени подкреплялся глотком портера.

Я постучал в стекло:

– Мистер Ингльдю! Поторопитесь, если можно.

Где сидели мы с тобою, Нелли Дин? —

завопил в ответ Гаролд.

К тому времени, когда он обулся, зубы у меня уже выбивали чечетку, но в конце концов он все-таки возник в дверях.

– Идемте же! – проскрежетал я. – Где овца? В каком сарае?

Старик только брови поднял:

– А она и не тут вовсе.

– Как «не тут»?

– А вот так! Наверху она.

– Где дорога с холма спускается?

– Верно. Я, значит, шел домой, ну и поглядел, как она да что.

Я постучал ногой об ногу и потер ладони:

– Значит, надо ехать туда. Но воды там ведь нет? Так захватите с собой ведро теплой воды, мыло и полотенце.

– Будет сделано! – Он торжественно кивнул, и не успел я сообразить, что происходит, как дверь захлопнулась, засов скрипнул и я остался один в темноте. Не теряя времени, я затрусил к окну и без малейшего удивления узрел, что Гаролд уже вольготно восседает на стуле. Но вот он наклонился, взял чайник – и меня пронзил ужас при мысли, что он намерен подогреть воду на еле тлеющих углях. Затем с невыразимым облегчением я увидел, что он берет ковш и погружает его в котел на закопченной решетке.

В небесах зажглась звезда, ласково журчит вода! —

заливался он соловьем, с упоением наполняя ведро.

Обо мне он, видимо, успел забыть и, когда вновь появился на пороге, оглядел меня с большим недоумением, продолжая распевать.

Я люблю одну тебя, Нелли Дин! —

сообщил он мне во весь свой дребезжащий голос.

– Ну и ладно, – буркнул я. – Поехали!

Я торопливо усадил его в машину, и мы покатали обратно, вверх по склону.

Гаролд поставил ведро к себе на колени несколько наклонно, и вода тихонько плескала мне на ногу. Вскоре воздух вокруг настолько пропитался пивными парами, что у меня слегка закружилась голова.

– Сюда! – внезапно рявкнул старик, увидев возникшие в лучах фар ворота. Я съехал на обочину, вылез и запрыгал на одной ноге, вытряхивая из брюк с литр лишней воды. Мы вошли в ворота, и я припустил к темному силуэту сарая, как вдруг заметил, что Гаролд, вместо того чтобы последовать за мной, выписывает по лугу восьмерки.

– Что вы делаете, мистер Ингльдю?

– Овцу ищу.

– Как? Она у вас даже не в сарае? – Я чуть было не испустил вопль отчаяния.

– Угу. Днем она, значит, обьягнилась, ну я и подумал: чего ее трогать-то.

Он поднял повыше фонарик – типичный фонарик фермера, крохотный, с почти уже севшей батареей, – и направил в темноту дрожащий луч. С тем же успехом он мог бы этого и не делать.

Я, спотыкаясь, брел по лугу. На меня навалилась свинцовая безнадежность. В небе сквозь рваные тучи проглядывал лунный диск, но внизу мои глаза не различали ничего. Брр! Ну и холодрыга! Схваченная недавними морозами земля была каменной, сухие стебли травы прижимались к ней под пронизывающим ветром. Я уже решил, что в этой черной пустыне никому никогда никакой овцы не отыскать, но тут Гаролд продебезжал:

– Вот она.

И правда, когда я вслепую направился на его голос, оказалось, что он наклоняется над овцой самого жалкого вида. Уж не знаю, какой инстинкт привел его к ней, но он ее отыскал. И ей, бесспорно, было худо. Голова понуро свисала, а когда я запустил пальцы ей в шерсть, она лишь неуверенно шагнула в сторону, вместо того чтобы опрометью броситься прочь, как положено здоровой представительнице овечьего племени. К ней жался крохотный ягненок.

Я задрал ей хвост и смерил температуру. Нормальная. И никаких симптомов обычных после окота заболеваний: не пошатывается, как при минеральной недостаточности, ни следов выделений, ни учащенного дыхания. Но что-то было очень и очень не так.

Я еще раз поглядел на ягненка. Для этих мест он родился рановато. Какая-то жестокая несправедливость чудилась в том, что этот малыш увидел свет среди йоркширских холмов, таких суровых в марте! А он к тому же совсем крошка... Что-что?... Минутку... Неясная мысль обрела форму: слишком уж он мал, чтобы быть единственным!

– Несите-ка сюда ведро, мистер Ингльдю! – скомандовал я, стораю от нетерпения скорее проверить свою догадку. Но когда я бережно поставил ведро на неровный дерн, передо мной внезапно предстал весь ужас моего положения. Мне надо было раздеться!

Ветеринаров не награждают медалями за мужество, но, право же, стащив с себя пальто и пиджак на этом черном холодном склоне, я вполне заслужил подобный знак отличия.

– Держите ее за голову! – прохрипел я и быстро намылил руку по плечу. Светя фонариком, я ввел пальцы во влагалище и почти сразу же уверился в своей правоте: они наткнулись на курчавую головку. Шея была согнута так, что нос почти касался таза снизу, ножки вытягивались сзади.

– Еще один ягненок, – сказал я. – Положение неправильное, не то бы он вышел сразу за первым.

Пока я договаривал, мои пальцы уже извлекли малыша и осторожно опустили на траву. Я полагал, что жизнь в нем успела угаснуть, но едва его тельце прикоснулось к ледяной земле, как ножки судорожно дернулись и почти тут же ребрышки у меня под ладонью приподнялись.

На мгновение восторг, который всегда рождает во мне соприкосновение с новой жизнью, – восторг, всегда неизменный, всегда горячий, заставил меня забыть о режущем ветре. Овца тоже сразу ободрилась: в темноте я почувствовал, как она с интересом потыкалась носом в новорожденного.

Но мои приятные размышления оборвало какое-то позвякивание у меня за спиной, сопровождавшееся приглушенным восклицанием.

– Чтоб тебе! – крикнул Гаролд.

– Что случилось?

– Да ведро это. Опрокинул я его, значит, будь оно неладно!

– Господи! И вода вся пролилась?

– Ага. Ни капли не осталось.

Да уж! Рука у меня была вся в слизи, и надеть пиджак, не вымыв ее, я никак не мог.

Из мрака донесся голос Гаролда:

– В сарае, значит, вода-то есть.

– Отлично! Нам ведь все равно надо устроить там матку с ягнятами.

Я перекинул пиджак и пальто через плечо, сунул ягнят под мышки и, спотыкаясь о кочки, побрел туда, где по моим расчетам находился сарай. Овца, явно испытывая облегчение, трусила за мной. И вновь путь мне указал Гаролд.

– Сюда, значит, – донесся до меня его крик.

Добравшись до сарая, я с радостью юркнул под защиту его каменных стен. Ночь была не для прогулок в одной рубашке. Меня уже бил озноб. Я поглядел туда, где возился старик. Фонарик был на последнем издыхании, я различал лишь неясные очертания Гаролда и не мог понять, чем он занимается. По-видимому, он что-то долбил камнем, подобранным на лугу. И тут меня осенило: он разбивал лед в колодце!

Затем он зачерпнул ведром воду и подал его мне.

– Вот и помоешься! – объявил он победоносно.

Мне казалось, что замерзнуть сильнее уже невозможно, но едва мои руки окунулись в черную жижу с плавающими льдинками, как я убедился в обратном. Фонарик погас, и почти сразу же мыло выскользнуло у меня из пальцев. Обнаружив, что я усердно намыливаю руку ледышкой, я сдался и взял полотенце.

Где-то поблизости Гаролд напевал себе под нос так безмятежно, словно сидел перед очагом у себя на кухне. Изрядная доза алкоголя, бушевавшая в его крови, видимо, сделала старика холодоустойчивым.

Мы затолкнули овцу с ягнятами в сарай, и, чиркнув на прощание спичкой, я убедился, что мать с новорожденными удобно устроилась среди сухого и душистого клевера. Остаток ночи им предстояло провести в безопасности и тепле.

По пути до деревни со мной ничего не случилось, поскольку ведро на коленях у Гаролда было пустым. Он вылез перед своим домом, а я доехал до конца деревни, чтобы развернуться. Когда я вновь проезжал мимо его дома, оттуда вырвалось пронзительное:

Если бы в мире жили только ты да я!

Затормозив, я опустил стекло и в изумлении прислушался. Невозможно себе представить, как гремели эти вопли в тишине пустой улицы, и, если, как мне говорили, смолкнуть им предстояло не раньше четырех утра, я мог только пожалеть обитателей деревни.

Ничего б не изменилось, ты уж мне поверь!

Мне вдруг пришло в голову, что пение Гаролда способно приесться довольно скоро. Сила его голоса не оставляла желать лучшего, но рассчитывать на ангажемент в Лондонской опере ему тем не менее не приходилось. Фальшивил он ежесекундно, а в верхах пускал такого петуха, что у меня уши вяли.

И друг друга мы б любили, точно как теперь!

Я поспешно поднял стекло и рванул машину с места. Бездушный автомобиль катил себе между нескончаемыми тенями живых изгородей, а я, окостенев, скрючился над рулем. И тело и мысли у меня онемели, и я почти не помню, как добрался до Скелдейл-хауса, как поставил машину в гараж, со скрипом затворив ворота бывшего каретного сарая, и как прошел через длинный сад.

Но когда я забрался под одеяло, Хелен не только не отстранилась, что было бы вполне естественно, а, наоборот, крепко обняла ледяную глыбу, в которую превратился ее муж. Это было таким неописуемым блаженством, что ради него стоило претерпеть все страдания этой ночи.

Я взглянул на циферблат будильника. Стрелки показывали три. Согреваясь, я сонно вспомнил овцу и ягнят, уютно устроившихся на душистом сене. Они уже, наверное, спят. И я скоро усну, и все спят...

То есть все, кроме соседей Гаролда. Им предстоял еще целый час бдения.

Джок, самая быстрая собака

Едва я поднялся на кровати, как увидел вдаль холмы за Дарроуби.

Я встал и подошел к окну. Утро обещало быть ясным, лучи восходящего солнца скользили по лабиринту крыши, красных и серых, свыкшихся с непогодой, кое-где просевших под тяжестью старинной черепицы, и озаряли зеленые пирамидки древесных вершин среди частокола дымовых труб. А надо всем этим – величественные громады холмов.

Как мне повезло! Ведь это было первым, что я видел каждое утро, – после Хелен, разумеется, а уж на нее смотреть мне никогда не надоедало.

После необычного медового месяца, который мы провели, проверяя коров на туберкулез, началась наша семейная жизнь под самой крышей Скелдейл-хауса. Зигфрид, до нашей свадьбы мой патрон, а теперь партнер, отдал в полное наше распоряжение эти две комнатки на третьем этаже, и мы с радостью воспользовались его любезностью. Конечно, поселились мы там временно, но эта верхотура обладала каким-то неизъяснимо пьянящим воздушным очарованием, и нам можно было только позавидовать.

А поселились мы там временно потому, что в те дни никто ничего наперед не загадывал и мы не знали, долго ли останемся там. Мы с Зигфридом записались добровольцами в военную авиацию и пока числились в запасе. Больше я о войне тут ничего писать не стану – тем более что война прямо Дарроуби не коснулась. Книга эта о другом: в ней рассказывается о тех месяцах, которые мы с Хелен прожили вместе до того, как меня призвали, и посвящена она самому простому, из чего всегда слагалась наша жизнь, – моей работе, моим четвероногим пациентам и йоркширским холмам.

Комната эта служила нам и спальней, и гостиной, и, хотя не отличалась особой роскошью обстановки, кровать была очень удобной, на полу лежал коврик, а возле красивого старинного серванта стояли два кресла. Гардероб тоже был такой старинный, что замок давно сломался, и, чтобы дверцы не открывались, мы засовывали между ними носок. Кончик его всегда болтался снаружи, но мы как-то не обращали на это внимания.

Я вышел, пересек лестничную площадку и оказался в нашей кухне-столовой, окно которой выходило на противоположную сторону. Это помещение отличалось спартанской простотой. Я протопал по голым половицам к скамье, которую мы соорудили у стены возле окна. На ней возле газовой горелки располагалась наша посуда и кухонная утварь. Я схватил большой кувшин и начал долгий спуск в главную кухню, ибо при всех достоинствах нашей квартирки водопровода в ней не имелось. Два марша лестницы – и я уже на втором этаже; еще два марша – и я галопом мчусь по коридору, ведущему к большой кухне с каменным полом.

Наполнив кувшин, я возвратился в наше орлиное гнездышко, перепрыгивая через две ступеньки. Теперь мне бы очень не понравилось заниматься подобными упражнениями всякий раз, когда нам требовалась вода, но тогда меня это совершенно не смущало.

Хелен быстро вскипятила чайник, и мы выпили первую чашку чая у окна, глядя вниз, на длинный сад. С этой высоты открывался широкий вид на неухоженные газоны, плодовые деревья, глицинию, карабкающуюся по выщербленным кирпичам к нашему окошку, и на высокие стены, тянущиеся до вымощенного булыжником двора под вязами. Каждый день я не раз и не два проходил по этой дорожке к гаражу во дворе и обратно, но сверху она выглядела совсем другой.

– Э-эй, Хелен! – сказал я. – Уступи-ка мне стул!

Она накрыла завтрак на скамье, служившей нам столом. Скамья была такой высокой, что мы купили высокий табурет, но стул был заметно ниже.

– Да нет же, Джим, мне очень удобно! – Она убедительно улыбнулась, почти упираясь подбородком себе в тарелку.

– Как бы не так! – заспорил я. – Ты же клюешь кукурузные хлопья носом. Дай уж я там сяду.

Она похлопала ладонью по табуретке:

– Ну чего ты споришь! Садись, не то все остынет.

Смиряться я не собирался, но испробовал новую тактику.

– Хелен! – сказал я грозно. – Встань со стула!

– Нет! – ответила она, не глядя на меня и вытягивая губы трубочкой. Это, на мой взгляд, придавало ей удивительное очарование, но, кроме того, означало, что уступать она не намерена.

Я растерялся. И даже прикинул, не сдернуть ли ее со стула силком. Но миниатюрной ее никак нельзя было назвать, а нам уже разок довелось помериться силами, когда спор из-за какого-то пустяка перешел в борцовскую схватку. И хотя она доставила много радости и я вышел из нее победителем, Хелен оказалась опасной противницей. Повторять свой подвиг рано поутру у меня настроения не было. Я сел на табурет.

После завтрака Хелен поставила греть воду, чтобы вымыть посуду – следующий пункт в нашем расписании. А я тем временем спустился вниз, собрал инструменты, положил шовный материал для повредившего ногу жеребенка и через боковую дверь вышел в сад. Напротив альпийской горки я остановился и поглядел на наше окошко. Рама была приподнята, и в ней появилась рука с кухонным полотенцем. Я помахал, полотенце в ответ взметнулось вверх-вниз, вверх-вниз. Так начинался теперь почти каждый мой день.

И, выезжая за ворота, я подумал, что это отличное начало. Впрочем, отличным было все: и грачинный гай в вязах у меня над головой, когда я закрывал тяжелые створки, и душистая свежесть воздуха, и трудности и радости моей работы.

Поранившийся жеребенок принадлежал Роберту Корнеру, и едва я приехал к нему на ферму, как Джок, его овчарка, напомнил мне о своем существовании. И я принялся наблюдать за ним: ведь ветеринарный врач не просто лечит, он еще знакомится с любопытнейшим калейдоскопом характеров, пусть и принадлежащих четвероногим, а Джок, бесспорно, был оригинальной личностью.

Очень многие деревенские собаки всегда готовы немножко отдохнуть от своих обязанностей и поразвлечься. Им нравится играть, и среди их излюбленных игр есть и такая – прогонять автомобили с хозяйского двора. Сколько раз я уезжал в сопровождении косматого метеора! Промчавшись метров двести-триста, пес обычно останавливался и напутствовал меня последним яростным гавканьем. Но не таков был Джок.

В нем жил истый фанатизм. Погоню за автомобилями он превратил в высокое искусство, которому служил ежедневно без тени юмора. От фермы Корнера к шоссе вела проселочная дорога, почти милю вившаяся по лугам между двумя каменными оградами вниз по пологому склону, и Джок считал свой долг выполненным, только если провожал избранную машину до самого шоссе. Его неистовая страсть требовала затраты больших сил и труда.

И теперь, когда я, зашив рану жеребенка, начал накладывать повязку, я все время поглядывал на Джока. Он крался между службами – тощенький малютка, которого и заметить-то нелегко, если бы не мохнатая черно-белая шерсть, – и без особого успеха притворяясь, будто он на меня и смотреть не хочет, так мало его интересует мое присутствие. Но его выдавали глаза, скошенные в сторону конюшни, и то, как он все время пересекал поле моего зрения, проскальзывая то туда, то сюда. Он ждал, когда же наконец наступит его великая минута.

Надев ботинки и бросив резиновые сапоги в багажник, я вновь увидел Джока – вернее, лишь длинный нос и один глаз, выглядывавшие из-под сломанной двери. И только когда я включил мотор и тронулся, пес заявил о себе: прикикая к земле, волоча хвост, вперив пристальный взор в передние колеса машины, он покинул засаду, едва я набрал скорость, и устремился могучим галопом наперерез к дороге.

Было это отнюдь не в первый раз, и меня всегда охватывал страх, что он может забежать вперед и угодить под машину, а потому я прибавил газу и пронесся вниз по склону. Вот тут-то Джок и показывал, чего он стоит. Я часто жалел, что ему не довелось потягаться с борзыми, потому что уж бегать он умел! Щуплое тельце прятало в себе отлично отлаженный механизм, тонкие ноги мелькали, как паровозные рычаги, и Джок летел над каменистой землей весело, без усилий держась наравне с набирающим скорость автомобилем.

Примерно на полпути до шоссе был крутой поворот, и Джок всякий раз перемахивал через ограду, черно-белой молнией на зеленом фоне мчался через луг и, таким образом ловко срезав угол, вновь пушечным ядром пронесся над серой каменной кладкой ниже по склону. Это экономило ему силы для последней пробежки до шоссе, и, когда я выезжал на асфальт, в зеркале заднего вида отражалась обращенная в мою сторону счастливая морда пыхтящего пса. Вне всяких сомнений, он считал, что превосходно выполнил возложенный на него долг, и, довольный собой, неторопливо возвращался на ферму дожидаться, когда настанет очередь, например, почтальона или бакалейного фургона.

Но Джок отличался не только этим. Он блистал на состязаниях овчарок и завоевал мистеру Корнеру немало призов. Фермеру даже предлагали за него порядочные суммы, но он не хотел с ним расставаться. Наоборот, он сам купил Джоку подружку, такую же щуплую, как он, и тоже победительницу многих состязаний. От них мистер Корнер надеялся получить на продажу будущих мировых чемпионов. Когда я приезжал на ферму, сучка присоединялась к погоне за моей машиной, но, по-видимому, больше в угоду Джоку, и всегда отставала у поворота, предоставляя Джоку действовать одному. Нетрудно было заметить, что его энтузиазма она не разделяла.

Затем появились щенята – семь пушистых черных шариков, копошившихся во дворе и попадавших всем под ноги. Джок снисходительно следил, как они пытаются по его примеру гнаться за моей машиной, и даже чудилось, будто он благодушно смеется, когда они от усердия летели кувыркком через голову и вскоре безнадежно отставали.

Затем месяцев десять я у Роберта Корнера не был, хотя порой встречал его на рынке и он рассказывал, что дрессирует щенков и они делают большие успехи. Ну да особой дрессировки не требовалось: все это было у них в крови, и, по его словам, они пробовали сбивать коров и овец в стадо, чуть только научились ходить. Вскоре я наконец снова их увидел – семь Джокков, щуплых, стремительных, бесшумно мелькавших между сараями и коровниками, – и не замедлил обнаружить, что они научились у своего отца не только тому, как пасти овец. Было что-то очень знакомое в том, как они принялись снова на заднем плане, когда я вернулся к машине, – выглядывали из-за тюков прессованной соломы и с подчеркнутой небрежностью занимали излюбленные стартовые позиции. Усаживаясь за руль, я увидел, как они прильнули к земле, словно в ожидании сигнала «марш».

Я завел мотор, сразу прибавил оборотов, рванул сцепление и помчался через двор. В ту же секунду по двору словно плеснула мохнатая волна. Автомобиль с ревом вылетел на проселок, а по обеим его сторонам плечо к плечу неслись песики, и на всех мордах было давно мне знакомое фанатичное выражение. Когда Джок перепрыгнул ограду, семь щенков взвились рядом с ним, а когда они вновь появились на последней прямой, я заметил нечто новое. Прежде Джок всегда косился на машину, потому что противником считал ее, но теперь, покрывая последнюю четверть мили во главе мохнатого воинства, он поглядывал на бегущих щенков, словно видел в них конкурентов.

А ему явно приходилось нелегко. Нет, он нисколько не утратил прежней формы, но эти клубки костей и сухожилий, которые были обязаны ему жизнью, унаследовали его быстроту, и к ней добавлялась непочатая энергия юности, поэтому он напрягал все силы, чтобы они его не обогнали. И вдруг, о ужас, он споткнулся, и тотчас на него накатился мохнатый вал. Казалось, все потеряно, но мужество Джока было из чистой стали: выпучив глаза, раздув ноздри, он

проложил себе путь через галопирующую свору и к тому времени, когда мы достигли шоссе, вновь вел ее.

Но это обошлось ему недешево. Я притормозил, прежде чем уехать, и оглянулся на Джока: он стоял на травянистой обочине, высунув язык, и его бока вздымались и опадали. Вероятно, то же повторялось со всеми другими заезжавшими на ферму машинами, и от веселой игры не осталось ничего. Наверное, глупо утверждать, будто ты прочел собачьи мысли, но вся его поза выдавала нарастающий страх, что дни его безусловного превосходства сочтены и в самом недалеком будущем его подстерегает немыслимый позор: он окажется позади этой своры юных выскочек. Я прибавил скорости и увидел, что Джок смотрит вслед взглядом, яснее слов говорившим: «Долго ли я еще выдержу?»

Я очень сочувствовал Джоку, и, когда два месяца спустя снова должен был поехать на ферму, меня немножко угнетала мысль, что я стану свидетелем его невыносимого унижения, ведь ничего другого ждать было нельзя. Но когда я въезжал во двор фермы, он показался мне странно пустынным.

Роберт Корнер в коровнике накладывал вилами сено в кормушки. Он обернулся на звук моих шагов.

– Куда девались все ваши собаки? – спросил я.

Он прислонил вилы к стене.

– Ни одной не осталось. На обученных овчарок всегда есть спрос. Да, уж я не прогадал, ничего не скажешь.

– Но Джока-то вы оставили?

– Само собой. Как же я без него? Да вот он!

И правда, он, как встарь, шмыгал неподалеку, делая вид, будто вовсе на меня и не смотрит. А когда наконец настал вожаемый миг и я сел за руль, все было как прежде: поджарый песик стрелой мчался рядом с машиной, но без перенапряжения, радуясь этой игре. Он птицей перелетел через ограду и без всякого труда первым достиг асфальта.

Мне кажется, я испытал такое же облегчение, как и он сам, что теперь никто не оспаривает его первенства, что он по-прежнему остается самой быстрой собакой.

Стойкий ягненок Герберт

Это была моя третья весна на йоркширских холмах, и она ничем не отличалась от двух предыдущих и всех последующих. В том смысле, в каком представляется это время года деревенскому ветеринару: оглушительный шум овчарен, басистое блеяние маток, пронзительное, требовательное блеяние ягнят. Для меня оно всегда было возвещением, что зима кончилась и наступает новая пора, – это блеяние, и пронизывающий йоркширский ветер, и беспощадно яркий солнечный свет, заливающий обнаженные склоны.

А над травянистым откосом на вершине – овчарня, сложенная из прессованных тюков соломы, эдакий длинный коридор, перегороденный на множество квадратных закутков, по одному на матку с ее ягнятами, и я словно вижу, как в дальнем конце возникает Роб Бенсон с двумя ведрами корма. Роб трудился не покладая рук. Весной он месяца полтора не ложился в кровать. Вечером, может быть, снимал сапоги и задремывал у очага на кухне, но других пастухов, кроме самого себя, у него не было, и он предпочитал надолго овец одних не оставлять.

– У меня нынче для вас парочка дел, Джим! – Побуревшее, обветренное лицо расплылось в ухмылке. – Оно, конечно, мне не вы сами требуетесь, а эта вот ваша дамская ручка, да поскорее.

Он повел меня в загон побольше, где было несколько овец. При нашем появлении они метнулись в разные стороны, но Роб ловко ухватил одну за шерсть:

– Вот с нее и начнем. Сами видите, тут прохладиться некогда!

Я приподнял мохнатый хвост и ахнул. Там торчала голова ягненка, крепко зажата за ушами. Она чудовищно распухла и казалась вдвое больше нормальной. Глаза превратились в крохотные щелочки посреди сплошного отека, изо рта вывалился лиловый вздутый язык.

– Н-да, видывал я такие головы, Роб, но все-таки поменьше!

– Малыш шел ногами вперед. А я чуток замешкался. Всего-то на час и отлучился, и вдруг эдакий футбольный мяч! Одна минута – и вот вам. Конечно, ему ноги надо повернуть, да куда мне с такими лапищами! – И он растопырил мозолистые пальцы, загрубелые от долгих лет тяжелого труда.

Тем временем я сбросил пиджак и закатал рукава рубашки, а ветер бритвой прошелся по моей ежащейся коже. Быстро намылив пальцы, я попытался нащупать слабинку у шеи ягненка. На миг его глазенки открылись и уныло посмотрели на меня.

– Ну, во всяком случае, он жив, – сказал я. – Но чувствует себя хуже некуда и сам выбраться не может.

Легонько щупая, я обнаружил под горлом узкую щель и решил попробовать. Вот тут от моей «дамской ручки» был большой прок, и каждую весну я благодарил за нее Бога. Ягнящейся овце она не причиняла особого беспокойства, а это было важнее всего; хотя овцы и закалены жизнью под открытым небом, они не выносят грубого обхождения.

Осторожно-осторожно я пробрался по курчавой шейке к плечу. Еще немножко – и мне удалось зацепить пальцем ножку и подтянуть ее до гибкого сустава. Еще один осторожный маневр – и, ухватив раздвоенное копытце, я бережно извлек ножку на свет.

Ну, полдела сделано! Я встал с колен и пошел к ведру с теплой водой. Вторую ножку мне предстояло тащить левой рукой, и я старательно мылил ее, а одна из маток собрала своих ягнят, негодующе уставилась на меня и с вызовом притопнула ногой.

Я отвернулся, снова опустился на колени на подстеленный мешок и начал вводить пальцы, но тут под руку подлез крохотный ягненок и присосался к вымени моей пациентки. По-видимому, он блаженствовал – если подергивающийся под самым моим носом хвостиком заслуживал доверия.

– Это что еще за явление? – спросил я, продолжая щупать.

Фермер ухмыльнулся:

– Это-то? А, Герберт! Его, беднягу, мамаша ни за что к себе не подпускает. Возненавидела, как он родился, а на другого ягненка просто не надышится.

– Так вы его с рожка кормите?

– Да нет. Думал было, но только гляжу, он и сам управляется. То к одной подскочит, то к другой – голодным не остается. В жизни такого не видывал.

– И недели на свете не прожил, а уже стоит на своих ногах, а?

– Что так, то так, Джим. По утрам животишко у него тугой, так я думаю, что ночью мамаша его все-таки кормит. В темноте же она его не видит, так, верно, ей только видеть его противно.

Я посмотрел на ягненка внимательнее. На мой взгляд, он был таким же длинноногим милашкой, как и все остальные ягнята. Но и у овец есть свои причуды!

Вскоре я выпростал и вторую ножку, после чего извлечь всего ягненка было уже просто. Он лежал на подстилке из сена – огромный шар головы и крохотное тельце. Но его ребрышки поднимались и опускались вполне обнадеживающе, ну а голова... я знал, что отек спадет так же быстро, как и возник. На всякий случай я проверил, но больше ничего не нащупал.

– Второго нет, Роб, – сказал я.

Фермер крикнул:

– Я другого-то и не ждал. Один, а зато крупный. Вот с такими всегда хлопот не оберешься.

Вытирая руки, я поглядывал на Герберта. Он отошел от моей пациентки, едва она принялась облизывать новорожденного, и теперь выжидательно крутился возле других маток. Они отгоняли его, угрожающе встряхивая головой; но в конце концов он подобрался к большой овце и подsunул голову ей под брюхо. Она тут же повернулась и яростным ударом жесткого лба подкинула малыша высоко в воздух – только ножки заболтались. Он со стуком упал на спину, и я бросился к нему, однако он вскочил и затрусил в сторону.

– Ведьма старая! – рявкнул фермер, но, когда я посмотрел на него с легким беспокойством, он пожал плечами. – Дурачок эдакий! Конечно, ему солоно приходится, но только сдается мне, ему тут больше нравится, чем сидеть с другими такими же бедолагами взаперти и ждать кормежки. Вы только на него поглядите!

Герберт как ни в чем не бывало подобрался к другой овце, наклонявшейся над кормушкой, нырнул под нее, и его хвостик вновь блаженно задергался. Да, бесспорно, стойкий ягненок!

– Роб, – спросил я, когда поймал мою вторую пациентку, – почему вы прозвали его Гербертом?

– Да моего младшего так зовут, и он вот тоже голову нагнет и ну ничегошеньки не боится.

Я занялся второй овцой и обнаружил великолепный клубок из трех ягнят: головки, ножки, хвостики – все устремлялись наружу и не давали друг другу продвинуться вперед ни на йоту.

– Она с утра мается, – сказал Роб. – Ну я и подумал, что не все у нее ладно.

Осторожно водя рукой в тесном пространстве матки, я занялся увлекательнейшим распутыванием клубка, – пожалуй, никакая другая операция мне не доставляет столько удовольствия. Для того чтобы извлечь ягненка, необходимо собрать воедино голову и две ножки, но непременно так, чтобы они все принадлежали одному ягненку, не то жди беды. Трудность заключается в том, чтобы проследить каждую ножку до туловища и определить, задняя она или передняя – кончается у плеча или теряется где-то в глубине.

Через две-три минуты я вслепую собрал ягненка, не перепутав конечности, но едва извлек ножки наружу, как шея сжалась и голова ускользнула назад. Вместе с плечами она с трудом проходила сквозь тазовое отверстие, и мне пришлось подтащить ее, зацепив пальцем край глазницы. Кости прищемили мне запястье, и боль была жуткая, но длилась она несколько

секунд, потому что овца поднатужилась и показался носишко. Дальше все было просто, и секунду спустя я положил ягненка на сено. Малыш судорожно встряхнул головой, фермер быстро обтер его пучком соломы и затем подтолкнул к материнской голове. Овца нагнулась над ним и принялась быстрыми движениями языка вылизывать его мордочку и шею, испустив что-то вроде довольного утробного смешка – звук этот можно услышать только в такие минуты. Еще смешок и еще – когда я извлек на свет двух оставшихся ягнят (одного хвостом вперед), – и, растирая руки полотенцем, я смотрел, как она радостно тычет носом в свою тройню.

Вскоре они уже отвечали ей тоненьким дрожащим блеянием, а когда я с облегчением натянул пиджак на свои покрасневшие от холода руки, первый ягненок попробовал подняться на ножки. Это ему не совсем удалось, и он пополз на коленях, то и дело опрокидываясь на мордочку. Но он прекрасно знал, куда направляется, и двигался к вымени с упорством, которое вскоре должно было увенчаться успехом.

Ветер, бивший мне в лицо через тюки соломы, не мог стереть с него веселую улыбку: разыгрывающаяся передо мной сцена была лучшей наградой за труды, никогда не приедающимся чудом, необъяснимой, вечно новой тайной.

Несколько дней спустя Роб Бенсон опять позвонил мне. Под вечер в воскресенье. Его голос в трубке был исполнен тревоги, почти паники.

– Джим, к моим суягным овцам забралась собака. Часа в четыре тут останавливалась какая-то компания в автомобиле, и соседи говорят, что с ними была овчарка, так она гоняла овец по всему лугу. Там черт-те что делается, просто боюсь пойти поглядеть.

– Еду! – Я бросил трубку и кинулся к машине, в ужасе представляя, что меня ждет: беспомощные овцы валяются с перекушенными глотками, ноги и животы истерзаны. Мне уже доводилось видеть подобные картины. Тех, кого не придется прирезать, надо будет зашивать, и, нажимая на газ, я прикидывал, хватит ли мне шовного материала в багажнике.

Суягные овцы содержались в выгоне у шоссе, и, когда я поглядел через ограду, сердце у меня оборвалось. Опираясь локтями на нетесаные, шаткие камни, я с тоской оглядывал пастбище. Все оказалось даже хуже, чем я опасался. Пологий травянистый склон был усеян неподвижно лежащими овцами – пятьдесят с лишним мохнатых кочек на зеленом фоне.

Роб стоял у калитки с внутренней стороны. Он даже не обернулся ко мне и только мотнул головой:

– Скажите, что с ними, по-вашему. Я боюсь туда идти.

Оставив его, я пошел бродить по выгону среди неподвижных овец, приподнимая их ноги, раздвигая шерсть на шее. Некоторые были в глубоком обмороке, другие в коматозном состоянии. И ни одна не могла удержаться на ногах. Но чем больше я их осматривал, тем сильнее становилось мое недоумение. В конце концов я крикнул фермеру:

– Роб, идите-ка сюда! Странно что-то! Вот взгляните, – продолжал я, когда он нерешительно приблизился. – Ни единой раны, нигде ни капли крови, а они все лежат пластом. Я ничего не понимаю.

Роб нагнулся, осторожно приподнял бессильно поникшую голову и сказал:

– Верно! Так что же с ними?

Я не нашел, что ответить, но в глубине моего сознания уже затренькал маленький колокольчик. Овца, над которой нагибался фермер, выглядела как-то уж очень знакомо. В отличие от большинства она кое-как оперлась на грудь, глядя перед собой пустыми глазами, не замечая ничего вокруг, но... эта пьяно мотающаяся голова... жидкие выделения из ноздрей... Я же все это видел прежде! Я встал на колени, наклонился к ее морде, услышал легкое попыхивание в дыхании, почти хрип – и понял все.

– Кальциевая недостаточность! – крикнул я и припустил вниз по склону, к машине.

– Какого черта? – спросил Роб, держась наравне со мной. – Это же после окота бывает, так ведь?

– Так-то так, – пропыхтел я. – Но причиной может быть и внезапное перенапряжение сил, и испуг.

– В первый раз слышу! – сказал Роб. – Как это происходит-то?

Но я предпочел поберечь дыхание. Не читать же сейчас лекцию о последствиях внезапного расстройства функции околотитовидных желез! Меня больше занимала мысль, хватит ли в моем багажнике кальция на пятьдесят овец. Каким облегчением было увидеть длинный ряд круглых жестяных крышечек, выглядывающих из картонки! Видимо, я совсем недавно пополнил свой запас.

Первой овце я ввел кальций в вену, чтобы проверить свой диагноз – на овцу кальций действует молниеносно, – и с тихим торжеством следил, как она вдруг заморгала, вздрогнула и попробовала перевернуться на грудь.

– Остальным будем вводить под кожу, так получится быстрее, – сказал я.

Мы пошли по лугу. Роб вытягивал ногу очередной овцы так, чтобы удобно было воткнуть иглу в пролысину под суставом, и к тому времени, когда мы добрались до половины склона, овцы внизу уже встали и тянули головы к кормушкам.

Это был один из самых приятных случаев в моей практике. Пусть никаких особых сложностей он не представлял, но это волшебное преобразование! От отчаяния – к надежде, от смерти – к жизни, и за какие-то считанные минуты!

Я уже убирал пустые флаконы в багажник, когда Роб наконец заговорил. Он с изумлением следил, как выше по склону встает на ноги последняя овца.

– Я вам вот что скажу, Джим. В первый раз я такое видел. И уж одно мне вовсе не понятно. – Он повернулся ко мне, и его выдубленное всеми ветрами лицо сморщилось в гримасе недоумения. – Собака собакой, только отчего все чертово стадо вдруг полегло?

– Роб, – ответил я, – представления не имею.

И тридцать лет спустя я ничего другого ответить не мог бы, и до сих пор не знаю, отчего вдруг полегло все чертово стадо.

Я подумал, что Робу пока довольно его тревог, и не стал упоминать, какие еще последствия могут иметь забавы овчарки. А потому не удивился, когда мне позвонили с фермы Бенсона на той же неделе.

Мы с Робом вновь встретились на склоне, и тот же ветер бушевал над овечьим загонem из соломенных тюков. Ягнята появлялись на свет один за другим, и шум стоял совсем уж оглушительный. Роб подвел меня к моей пациентке.

– Сдается, в брюхе у нее полнодохлых ягнят, – сказал он, кивая на овцу, чьи бока раздувались от тяжелого дыхания, а голова поникла. Она стояла неподвижно и даже не шевельнулась при моем приближении. Ей действительно было скверно, а когда на меня пахнуло запахом разложения, я понял, что фермер не ошибся.

– Ну, после такой гонки это неудивительно, – сказал я. – Но поглядим, что удастся сделать.

Такое родовспоможение лишено всякой прелести, но надо было спасать овцу. Трупки ягнят раздулись от газов, и мне пришлось пустить в ход скальпель, чтобы сначала удалить передние ноги, а уж потом осторожно извлечь маленькое тельце, как можно меньше травмируя овцу. Когда я кончил, ее голова почти касалась земли, дышала она часто и тяжело и скрипела зубами. А мне нечем было ей помочь. Другое дело, если бы я мог подложить ей новорожденного, чтобы она его облизала и ощутила интерес к жизни. Не помешала бы и инъекция пеницилина. Но шел 1939 год, и антибиотики все еще принадлежали будущему, правда не очень далекому.

– Навряд ли она выдюжит, – буркнул Роб. – А больше ничем ей помочь нельзя?

– Ну, введу ей парочку пессариев, сделаю инъекцию, хотя спасительнее новорожденного ягненка для нее лекарства нет. Вы ведь лучше меня знаете, что овцы в таком состоянии обычно

не выживают, если им не о ком заботиться. А лишнего ягненка подпустить к ней у вас не найдется?

– Сейчас нету. А ждать ведь нельзя. Завтра уже поздно будет.

И тут мой взгляд упал на ягненка. Это был Герберт, сирота при живой матери. Узнать его было нетрудно: он бродил от овцы к овце в надежде на глоток-другой молока.

– Э-эй! А малыша она не примет, как по-вашему? – спросил я фермера.

– Да навряд ли, – сказал он с сомнением в голосе. – Все-таки он подрост. Ему третья неделя идет, а им подавай новорожденных.

– Так ведь попытка не пытка, верно? Может, испробуем старинную уловку?

Роб улыбнулся:

– Ладно! Хуже все равно не будет. Да и он совсем замухрышка. Иной новорожденный покрупнее будет. Поотстал от ровесников-то.

Он вытащил складной нож, быстро ободрал мертвого ягненка и, положив шкурку на спину Герберта, завязал ее под худыми ребрышками.

– Бедняга! – пробормотал он. – Кожа да кости. Если не получится, запру его с теми, кого мы из бутылочки кормим.

Кончив, он отпустил Герберта, и этот неукротимый ягненок тут же подлез под понурившуюся овцу и принялся сосать ее. По-видимому, первые его усилия остались втуне, – во всяком случае, он несколько раз сердито боднул вымя крепким лобиком. Но затем его хвостиком блаженно задержался.

– Ну хоть рюмочку-другую она ему уделила! – Роб засмеялся.

Герберт был не из тех, кого можно игнорировать, и толстая овца, как скверно она себя ни чувствовала, волей-неволей повернула голову и посмотрела на него. Затем обнюхала привязанную шкурку словно бы равнодушно, но через две-три секунды несколько раз лизнула ягненка и испустила знакомый утробный смешок.

Я начал собирать свое снаряжение.

– Ну, будем надеяться, – сказал я. – Они ведь одинаково нужны друг другу.

Когда я выходил из загона, Герберт в своей новой курточке по-прежнему упоенно сосал и сосал.

Всю следующую неделю я как будто вообще не надевал пиджака. Окот был в самом разгаре, и каждый день я с утра до вечера только и делал, что окунал руки по плечо в ведро с теплой водой на всех ближних и дальних фермах – в загонах, в темных углах сарая, а чаще – под открытым небом, ибо фермеры в те годы считали, что ветеринару так и надо по часу стоять на коленях без пиджака под проливным дождем.

К Робу Бенсону мне пришлось заехать еще раз – вправить матку овце после тяжелого окота. Главная прелесть этой работы заключалась в весьма утешительной мысли, что передо мной не корова.

Да, особенно потеть мне не довелось. Роб перекатил овцу на бок, обвязал ей задние ноги веревкой, которую закинул себе за шею, так что роженица почти встала на голову. В такой позе ей было трудно увертываться, и, продезинфицировав матку, я почти без усилия водворил ее на место, а затем осторожно ввел руку, чтобы проверить, все ли в порядке.

Засим овца как ни в чем не бывало удалилась со своим семейством к заметно увеличившемуся стаду.

– Поглядите-ка! – рявкнул Роб, перекрикивая невообразимый гомон вокруг. – Вон старуха с Гербертом. Правее, правее, посреди вон той кучки!

Мне все овцы казались одинаковыми, но Роб, как и всякий пастух, различал их без малейшего труда и тотчас узнал эту парочку.

Были они у дальнего края выгона, и мы оттеснили их в угол: мне хотелось рассмотреть их получше. Овца при нашем приближении грозно топнула ногой, оберегая своего ягненка,

и Герберт, уже сбросивший мохнатую курточку, прижался к боку приемной матери. Я обнаружил, что он заметно растолстел.

– Ну уж теперь вы его замухрышкой не назовете, Роб!

Фермер засмеялся:

– Да где там! Мошна у старухи прямо коровья, и все достается Герберту. Повезло малышу, одно слово, да и ей он жизнь спас. Не вытянула бы, если бы не он, это уж верно.

Я обвел взглядом сотни бродящих по выгону овец, загоны, в которых стоял оглушительный шум, и обернулся к фермеру.

– Боюсь, я что-то зачастил к вам, Роб. Ну будем надеяться, что теперь вы меня долго не увидите.

– Пожалуй, что и так. Дело-то к концу идет. Чертово время – окот, верно я говорю?

– Да, лучше слова не подберешь. Ну мне пора, не буду вам мешать.

Я повернулся и зашагал вниз по склону. Рукава царапали раздраженную, воспаленную кожу, а вечно бегущий по траве ветер хлестал меня по щекам. У калитки я остановился и посмотрел назад, на широкую панораму холмов, на полосы и пятна еще не сошедшего снега, на летящие по небу серые тучи в разводах сияющей голубизны. Вдруг луга, ограды, рощи залило такое яркое солнце, что я даже зажмурился. И тут до меня донеслись отзвуки бурной мелодии, в которой низкие басы сплетались с пронзительными фальцетами, требовательные и тревожные, сердитые и полные любви.

Голоса овечьего стада, голоса весны.

Пес-великан

Глухое ворчание, зарождавшееся где-то в самых недрах грудной клетки, зарокотало в моем стетоскопе, и я внезапно с пугающей ясностью осознал, что такого огромного пса мне еще видеть не доводилось. Да, насколько я мог судить по моему довольно бедному опыту, ирландские волкодавы, бесспорно, были выше, а бульмастифы, пожалуй, шире в плечах, но по общим габаритам пальма первенства, несомненно, принадлежала этому устрашающему колоссу по кличке Кланси.

Самая подходящая кличка для собаки ирландца, а Джо Муллиген был ирландцем до мозга костей, хотя и прожил в Йоркшире не один десяток лет. Джо привел Кланси на дневной прием, и, увидев, как косматый пес бредет, заполняя собой коридор, я припомнил, с каким солидным благодушием он сносил веселую назойливость собак помельче, когда мы встречались на лугах вокруг Дарроуби. Ну на редкость смирный, дружелюбный пес!

И вот теперь в могучей глотке kloкотало злое ворчание, словно отдаленная барабанная дробь, раскатывающаяся по подземной пещере. И по мере того как стетоскоп продвигался между ребрами, ворчание становилось все громче, а губы подергивались над грозными клыками, словно их колебал ветер. Вот тут я и осознал, что не только Кланси – чудовищно крупная собака, но и что я совершенно беззащитен: стою перед ним на коленях, и мое правое ухо находится совсем рядом с его пастью.

Я поспешно поднялся с коленей и убрал стетоскоп в карман, а пес смерил меня холодным взглядом – искоса, даже не повернув головы. Но в самой его неподвижности таилась наводящая ужас угроза. Вообще-то, я не склонен волноваться, когда пациенты огрызаются на меня, но во мне крепла уверенность, что этот огрызаться не будет, а сразу устроит что-нибудь эффектное.

И я слегка отодвинулся.

– Так какие вы замечали симптомы, мистер Муллиген?

– Что-что? – Джо приставил ладонь к уху.

Я вобрал побольше воздуха в грудь и завопил:

– Что с ним такое?

Старик взглянул на меня с полным недоумением из-под козырька аккуратно надетой кепки и потрогал шарф, завязанный поверх кадыка, а из трубки в самом центре его губ поднялись завитки голубого дыма, словно знаки вопроса.

В памяти всплыли подробности былых недомоганий Кланси, и, шагнув к мистеру Муллигену, я во всю мочь крикнул прямо ему в лицо:

– Его рвет?

Ответ не замедлил себя ждать. Джо облегченно улыбнулся и вынул трубку изо рта:

– Да-да, сэр. Выворачивает его. Сильно выворачивает! – Он явно почувствовал под ногами знакомую почву.

Лечение Кланси всегда велось на расстоянии. В самый первый день, когда я приехал в Дарроуби два года назад, Зигфрид сообщил мне, что этот пес почти эрдель, но ростом с хорошего осла, совершенно здоров и только его склонность пожирать весь мусор, какой ему попадается, приводила к естественным результатам. Через определенные промежутки времени ему прописывалась большая бутылка микстуры из углекислого висмута. Тогда же я узнал, что Кланси завел от скуки обыкновение валить Джо с ног и трепать, как крысу. Но хозяин все равно его обожал.

Тут во мне заговорила совесть: когда-нибудь же надо провести полный осмотр. Смерить ему температуру, например. Ну что тут такого? Ухвачу хвост, приподниму и введу термометр в задний проход... Пес повернул голову и посмотрел мне в глаза ничего не выражающим взгля-

дом, и я опять услышал глубокий барабанный бой, а верхняя губа чуть вздернулась, обнажив на мгновение белую сверкающую полоску.

– Отлично, мистер Муллиген! – воскликнул я деловито. – Сейчас я дам вам бутылочку микстуры.

В аптеке под рядами бутылей с латинскими названиями и стеклянными притертыми пробками я взболтал микстуру в десятиунциевом флаконе, вдавил в горлышко пробку, приклеил ярлычок и написал обычные указания. Джо с удовлетворенным видом сунул в карман хорошо ему знакомую целебную жидкость в столь же привычном сосуде и повернулся к дверям, но тут во мне снова разыгралась совесть.

– Приведите его в четверг в два часа! – крикнул я в ухо старику. – И если можно, не опаздывайте, а то сегодня вы что-то задержались.

Я смотрел, как мистер Муллиген удаляется по улице, а из его трубки вырываются клубы дыма, словно над отходящим от станции паровозом. Позади него вразвалку шагал Кланси, полное воплощение внушительной невозмутимости. Весь в тугих каштановых завитках, он действительно походил на гигантского эрделя.

В четверг, задумчиво прикинул я, в два часа дня... Мы с Хелен, наверное, будем сидеть в кино, как обычно, – ведь вторая половина четверга у меня была выходной.

Утром в пятницу Зигфрид за письменным столом распределял вызовы. Он вырвал из блокнота листок со списком и протянул мне.

– Ну вот, Джеймс. Как раз достаточно, чтобы вы до обеда не слишком бездельничали.

Тут его взгляд скользнул по записям вчерашнего приема, и он обернулся к младшему брату, который, выполняя свою утреннюю обязанность, растапливал камин.

– Тристан, вчера Джо Муллиген приходил со своим псом и ты его смотрел? Каково твое заключение?

Тристан поставил ведро с углем на пол.

– Ну, я прописал ему висмутовую микстуру.

– Я понимаю. Но что ты установил, осматривая пациента?

– А-а! – Тристан задумчиво потер подбородок. – Выглядит он прекрасно. Сущий живчик.

– И это все?

– Да... собственно говоря.

Зигфрид обернулся ко мне:

– Ну а вы, Джеймс? Вы же смотрели эту собаку позавчера. И что вы у нее нашли?

– Вопрос довольно сложный, – ответил я. – Пес этот ростом с хорошего слона и вообще какой-то жутковатый. Мне все время чудилось, что он только выжидает удобного случая. А кроме старика Джо, удержать его было некому. Боюсь, мне не удалось провести полного обследования, но должен сказать, у меня сложилось то же мнение, что и у Тристана. Сущий живчик.

Зигфрид устало отложил ручку. Ночью судьба нанесла ему один из сокрушительных ударов, которые она приберегает специально для ветеринара: вызов в час ночи, когда он только-только уснул, и вызов в шесть утра, когда он снова только-только уснул. А потому его огневая энергия несколько поугасла.

Он провел рукой по глазам:

– Да смилуется над нами Бог! Вы, Джеймс, дипломированный ветеринарный врач с двухлетним опытом, и ты, Тристан, студент-выпускник, – вы оба сумели обнаружить только одно, что он – сущий живчик! Скверно, очень скверно! И вряд ли заслуживает названия клинического диагноза. Когда к нам приводят животное, я жду, что вы запишете его пульс, температуру, частоту дыхания. Проведете аускультацию грудной клетки и пальпацию живота. Откроете ему рот и исследуете зубы, десны и глотку. Проверите состояние кожи. А если потребуется, так возьмете катетером мочу и сделаете ее анализ.

– Хорошо, – сказал я.

– Ладно, – сказал Тристан.

Мой партнер встал из-за стола:

– Ты снова назначил его на прием?

– Да. Конечно. – Тристан достал из кармана сигареты. – На понедельник. Но ведь мистер Муллиген всегда опаздывает, и я предупредил его, что мы осмотрим собаку вечером у него дома.

– Ах так! – Зигфрид сделал пометку в блокноте и вдруг вскинул голову. – Но ведь вы с Джеймсом в это время должны быть на собрании молодых фермеров?

Тристан сделал глубокую затяжку:

– Совершенно верно. Для практики очень полезно, чтобы мы почаще встречались с молодыми клиентами.

– Прекрасно, – сказал Зигфрид, направляясь к двери. – Я сам осмотрю собаку.

Утром во вторник я все ждал, что Зигфрид вот-вот упомянет муллигеновского пса, хотя бы в доказательство того, какую пользу приносит полное клиническое обследование. Но этой темы он не коснулся.

Однако волею судеб, когда я шел через рыночную площадь, мне повстречался мистер Муллиген, которого, естественно, сопровождал Кланси.

Я подошел к старику и крикнул ему на ухо:

– Как ваша собака?

Он извлек трубку изо рта и улыбнулся неторопливо и благодушно:

– А хорошо, сэр, очень хорошо. Выворачивает ее помаленьку, но не так, чтобы слишком уж.

– Значит, мистер Фарнон ее подлечил?

– Ага! Дал ей белой микстурки. Отличное средство, сэр. Отличное!

– Вот и прекрасно, – сказал я. – И пока обследовал Кланси, он ничего плохого не обнаружил?

Джо пососал трубку:

– Да нет. Уж мистер Фарнон свое дело знает. В жизни не видывал, чтоб человек так живо управлялся.

– Что-что?

– Так ведь он только взглянул – и уже во всем разобрался. Три секунды – и конец делу.

Я был сбит с толку:

– Три секунды?

– Да, – категорично заявил мистер Муллиген. – Ни на секундочку больше.

– Поразительно! И как же это было?

Джо выбил трубку о каблук, не спеша вытащил ножик и принялся отпиливать новую заправку от зловеще черной полосы прессованного табака.

– Так я же вам толкую: мистер Фарнон, он ведь что твоя молния. Вечером забарабанил в дверь и как прыгнет в комнату! – (Мне были хорошо известны эти домишки: ни коридорчика, ни даже прихожей – дверь с улицы открывалась прямо в жилую комнату.) – Входит, а сам уже градусник вытаскивает. А Кланси, значит, полеживал у огня, ну и вскочил, да и гавкнул маленько.

– Маленько гавкнул, э? – Я прямо-таки увидел, как косматое чудовище взлетает в воздух и лает в лицо Зигфриду: пасть разинута, клыки сверкают.

– Ага! Гавкнул маленько. А мистер Фарнон спрятал градусник в футляр, повернулся и вышел в дверь.

– И ничего не сказал?

– Ни единого словечка. Повернулся, значит, как солдат на параде, и марш-марш за дверь. Вот так-то.

Это походило на правду. Решения Зигфрид умел принимать мгновенно. Я протянул было руку, чтобы погладить Кланси, но что-то в его глазах удержало меня от этой фамильярности.

– Ну, я рад, что ему полегчало! – прокричал я.

Старик раскурил трубку с помощью старой латунной зажигалки, выпустил облачко едкого сизого дыма прямо мне в лицо и закрыл чашечку медной крышкой.

– Ага. Мистер Фарнон прислал большую бутылочку белой микстуры, и ему полегчало. Да что уж там! – Он улыбнулся благодатной улыбкой. – Кланси всегда ж маленько, а выворачивает. Уж он такой.

Более недели пес-великан в Скелдейл-хаусе не упоминался, но, видимо, профессиональная совесть грызла Зигфрида. Во всяком случае, он как-то днем заглянул в аптеку, где мы с Тристаном занимались делом, ныне отошедшим в область преданий, – изготавливали жаропонижающие микстуры, слабительные порошки, пессарии из борной кислоты, – и сказал с величайшей небрежностью:

– Да, кстати! Я послал письмо Джо Муллигену. Все-таки я не вполне убежден, что мы исследовали его собаку в надлежащей мере. Вывора... э... рвота почти наверное объясняется неразборчивым обжорством, но тем не менее я хотел бы удостовериться в этом точно. А потому я попросил его зайти завтра с собакой между двумя и тремя, когда мы все будем здесь.

Радостных воплей не последовало, и он продолжал:

– Пес этот, пожалуй, в какой-то степени нелегкое животное, а потому нам надо все рассчитывать заранее. – Он посмотрел на меня. – Джеймс, когда его приведут, вы будете опекать его сзади, хорошо?

– Хорошо, – ответил я без всякого восторга.

Зигфрид впился глазами в брата:

– А тебе, Тристан, поручим голову, договорились?

– Отлично-отлично, – буркнул Тристан, храня непроницаемое выражение, а его брат продолжал:

– Ты покрепче обхвати его обеими руками за шею, а я уже буду готов ввести ему снотворное.

– Прекрасно-прекрасно, – сказал Тристан.

– Ну вот и чудесно! – Мой партнер потерял руки. – Как только я его уколою, остальное будет просто. Я не люблю оставлять что-то невыясненным.

В Дарроуби практика в целом была типично деревенской – лечили мы больше крупных животных, а потому в приемной пациентов обычно бывало не много. Но на следующий день после двух в ней вообще не оказалось никого, и ожидание из-за этого стало почти невыносимым. Мы все трое слонялись из комнаты в комнату, заводили разговоры ни о чем, с подчеркнутым равнодушием поглядывали в окно на улицу, что-то про себя насвистывали. К половине третьего мы окончательно смолкли. Следующие пять минут мы через каждые несколько секунд подносили часы к глазам, и ровно в половине третьего Зигфрид нарушил молчание:

– Черт знает что! Я предупредил Джо, чтобы он пришел до половины третьего, а он даже внимания не обратил. Он вечно опаздывает, и, по-видимому, добиться от него пунктуальности невозможно. И очень хорошо: ждать дольше у нас времени нет. Нам с вами, Джеймс, пора ехать оперировать жеребенка, а за тобой, Тристан, записана корова Уилсона. Ну, в путь!

До той минуты я был убежден, что в дверях застревают только кинокомики, но тут выяснилось, что мы вполне могли бы с ними соперничать: во всяком случае, в коридор мы вывалились все вместе. Несколько секунд спустя мы были уже во дворе, и Тристан, рыча мотором, унесся прочь в синем облаке выхлопных газов. А мы с Зигфридом лишь чуть медленнее умчались в противоположном направлении.

Когда с улицы Тренгейт мы свернули на рыночную площадь, я обвел ее быстрым взглядом, но мистера Муллигена нигде не обнаружил. Увидели мы его на самом выезде из городка.

Он только-только вышел из дома и неторопливо брел по тротуару, окутанный сизым дымом, а Кланси, как обычно, трусил чуть позади.

– Вот он! – воскликнул Зигфрид. – Нет, вы поглядите на него! С такими темпами он доберется до приемной не раньше трех. И никого там не найдет. Но он сам виноват. – Тут он оглянулся на огромного курчавого пса, просто излучавшего здоровье и энергию. – Впрочем, мы просто потратили бы время впустую, обследуя эту псину. Ничем он не болен.

Зигфрид немного помолчал, глубоко задумавшись, а потом повернулся ко мне:

– Суший живчик, ведь верно?

Беда всегда ходит циклонами

– Мастика эта, – сказал мистер Пикерсгилл. – Ну прямо спасу от нее никакого нет!

Я кивнул, соглашаясь, что упорный мастит у его коров – достаточная причина для тревоги, а сам подумал, что другие фермеры обошлись бы местным термином «опухание», но мистер Пикерсгилл остался верен себе и категорически, хотя и не вполне точно, применил научное название.

Обычно он промахивался по цели совсем немножко, и плоды его усилий либо точно воспроизводили оригинал, либо их происхождение прослеживалось без особого труда, но вот откуда взялась «мастика», я постичь не сумел, но знал, что, раз выковав слово, он ему уже не изменит. Мастит был для него «мастика эта» и «мастикой» останется. И я знал, что он всегда будет упрямо отстаивать свою правоту. А все потому, что мистер Пикерсгилл, по его убеждению, получил научное образование. Ему было лет шестьдесят, а юношей, почти подростком, он прослушал двухнедельный практический курс для фермеров в университете города Лидса. Это мимолетное соприкосновение с академическим миром оставило в его душе неизгладимый след. Он словно ощутил, что за привычными заботами его будней скрыто нечто истинно значительное и важное, и это зажгло в нем огонь, озаривший всю его последующую жизнь.

Ни один облаченный в мантию маститый ученый не вспоминал свои давние года в сени оксфордских шпилей с такой ностальгией, как мистер Пикерсгилл эти две недели в Лидсе, и его разговоры были уснащены упоминаниями о богоподобном профессоре Маллесоне, который, видимо, вел этот курс.

– Просто ума не приложу, что же это такое! – продолжал он. – В мои университетские деньки мне только и твердили, что от мастики вымя все распухает, а молоко идет грязное. Значит, мастика эта какая-то другая. Маленько хлопьев в молоке, да и то когда они есть, а когда и нет; только я этим сыт по горло, позвольте вам доложить.

Я отпил чай из чашки, которую миссис Пикерсгилл поставила передо мной на кухонном столе.

– Да, мастит затянулся, не тревожиться нельзя. Я убежден, что тут действует какой-то скрытый фактор, и мне не удастся его нащупать.

Но я кривил душой, не сомневаясь, что фактор этот я уже обнаружил. Как-то я приехал на ферму под вечер и вошел в маленький коровник, где мистер Пикерсгилл и его дочь Оливия доили свой десяток коров. Я стоял и смотрел, как они доят, скорчившись в три погибели среди ряда серебристых и рыжих спин. И мне сразу бросилось в глаза, что Оливия лишь чуть-чуть перебирает пальцами, даже запястья у нее неподвижны, зато отец тянет за соски так, словно звонит во все церковные колокола под Новый год.

Это наблюдение вкупе с тем фактом, что хлопья появлялись в молоке только тех коров, которых доил мистер Пикерсгилл, убедило меня в травматическом происхождении их хронического мастита.

Но как сказать ему, что он доит неправильно и единственный выход – выработать более мягкую манеру либо согласиться, чтобы всех коров доила Оливия?

Решиться на это было тем труднее, что мистер Пикерсгилл обладал необыкновенной внушительностью. У него не нашлось бы пенса лишнего, но и здесь, на кухне, в потрепанной фланелевой рубаше без ворота и в подтяжках он выглядел промышленным магнатом. Никто не удивился бы, увидев эту львиную голову, полные щеки, благородный лоб и снисходительные глаза на очередной фотографии в финансовом разделе «Таймс». Надень он котелок и полосатые брюки, его невозможно было бы отличить от председателя правления какого-нибудь крупного банка.

Покуситься на это врожденное достоинство у меня не хватало духа, к тому же мистер Пикерсгилл своих коров холил и лелеял. Десять его коров, как и все животные, принадлежавшие быстро исчезающей породе мелких фермеров, были упитанными и чистыми. Да и как не ухаживать за своей скотиной, если она тебя кормит? Мистер Пикерсгилл вырастил и поставил на ноги всех своих детей на доход от продажи молока, иногда пополнявшийся выручкой за двух-трех свиней и яйца пятидесяти кур, которыми занималась его жена.

Как они сводили концы с концами, сказать не могу. Но сводили и были вполне довольны своим жребием. Все дети, кроме Оливии, обзавелись собственными семьями и жили отдельно, и тем не менее в доме по-прежнему царил дух гармонии. Вот и в эти минуты мистер Пикерсгилл обстоятельно излагал свою точку зрения, а жена, хлопоча на заднем плане, слушала его с тихой гордостью. Оливия тоже была счастлива. Хотя ей было за тридцать пять, стародевичества она не опасалась, ибо за ней пятнадцать лет с самыми серьезными намерениями ухаживал Чарли Хадсон из рыбной лавки в Дарроуби. Пусть влюбленность Чарли и не отличалась чрезмерной бурностью, легкомысленным мотыльком его назвать было никак нельзя, и никто не сомневался, что не пройдет и десяти лет, как он объяснится.

Мистер Пикерсгилл предложил мне еще одну масляную лепешку, а когда я, поблагодарив, отказался, он несколько раз кашлянул, словно подыскивая слова.

– Мистер Хэрриот, – начал он наконец, – у меня нет привычки учить людей их делу, да только все ваши медикаменты мы перепробовали, и мастику эту они ни в какую не берут. А я, когда учился у профессора Маллесона, позаписал всякие рецепты, так вот и хотел бы испытать вот этот. Изволите взглянуть?

Он засунул руку в задний карман брюк и извлек пожелтевший листок, почти протершийся на сгибах.

– Мазь для вымени. Может, если растереть им мошны хорошенько, все и пройдет?

Я прочел рецепт, написанный четким старомодным почерком. Камфора, эвкалиптовое масло, окись цинка – длинный список таких знакомых названий! Они вызвали у меня невольную нежность, но она умерялась все укрепляющимся разочарованием. Я уже было открыл рот, собираясь сказать, что, по-моему, никакие втирания ни малейшей пользы не принесут, но тут фермер громко охнул.

Он слишком напрягся, засовывая руку в задний карман, и застарелый радикулит тут же дал о себе знать. Старик выпрямился в струнку, морщась от боли:

– В спину вступило, доложу я вам! Прострел чертов, и доктор с ним ничего поделать не может. Пилюль наглотался – прямо гремушку из меня делай, а толку чуть.

Блестящими умственными способностями я не отличаюсь, но порой меня осеняет.

– Мистер Пикерсгилл! – произнес я с глубокой серьезностью. – Сколько я вас знаю, вы страдаете радикулитом, и сейчас мне пришла в голову одна мысль. Мне кажется, я знаю, как вы могли бы от него избавиться.

Глаза фермера широко открылись, и в них засветилась детская доверчивость, без малейшего намека на иронию. Как и следовало ожидать. Раз люди больше полагаются на слова живодера или торговца костной мукой, а не на советы ветеринара, когда болеют их животные, вполне естественно, что они предпочтут рекомендации ветеринара, а не врача, когда речь идет об их собственных болезнях.

– Вы знаете, как меня излечить? – спросил он слабым голосом.

– По-моему, да. И никакого лечения не потребуется. Просто перестаньте доить.

– Доить перестать? Да какого дьявола?..

– Именно-именно! Вспомните: вы же каждое утро и каждый вечер сидите, согнувшись на низкой табуреточке. Человек вы высокий и совсем подбородком в колени утыкаетесь, чтобы до вымени дотянуться. Конечно же вам это вредно!

Мистер Пикерсгилл уставился перед собой, словно ему предстало дивное видение.

– Вы правда думаете...

– Безусловно. Во всяком случае, проверьте. А доить пока может Оливия. Она ведь всегда говорит, что отлично справится одна.

– Конечно, папа! – вмешалась Оливия. – Доить я люблю, ты же знаешь, а тебе пора и отдохнуть. Ты ведь с самых детских лет доил.

– Черт, молодой человек, а ведь вы, пожалуй, в точку попали, доложу я вам. И пробовать не стану. С этой минуты и кончу, мое решение принято. – Мистер Пикерсгилл откинул великолепную голову, обвел кухню властным взглядом и хлопнул кулаком по столу, словно только что подписал документы о слиянии двух нефтяных компаний.

Я встал:

– Отлично, отлично. Рецепт я захвачу с собой и составлю мазь. Вечером она будет готова, и, на вашем месте, я бы начал лечение без проволочек.

В следующий раз я увидел мистера Пикерсгилла примерно через месяц. Он величественно катил на велосипеде через рыночную площадь, но заметил меня и спешился.

– А, мистер Хэрриот! – сказал он, слегка отдуваясь. – Рад, что мы встретились. Я все собирался заехать к вам и сказать, что хлопьев в молоке больше нет. Как начали мы втирать мазь, так они и пошли на убыль, а потом и вовсе пропали.

– Прекрасно! А ваш радикулит?

– Вот уж тут вы маху не дали, молодой человек, доложу я вам, что спасибо, то спасибо! С того дня я ни разу не доил, так спина даже поднимать перестала. – Он ласково улыбнулся мне. – Для нее-то вы мне дельный совет дали, но чтоб вылечить мастику эту, пришлось-таки к старому профессору Маллесону вернуться, а?

Следующая моя беседа с мистером Пикерсгиллом произошла по телефону.

– Я по автоклаву говорю, – сообщил он придушенно.

– По авто...

– Ну да. В деревне, из будки. По телефону-автоклаву.

– А, да-да, – сказал я. – Так чем могу быть полезен?

– Вы бы сейчас не приехали? А то тут у одного моего теленка сальный нос объявился.

– Простите?

– Сальный нос. У теленка.

– Сальный нос?

– Во-во! Тут давеча утром по радио как раз про него толковали.

– А-а! Да-да, понимаю. – Я тоже успел послушать эту часть передачи для фермеров – лекцию о сальмонеллезе у телят. – Но почему вы полагаете, что у него именно эта болезнь?

– Так прямо же как объясняли: у него кровь идет из андуса.

– Из... А, да-да, конечно. Поглядеть его следует. Я скоро буду.

Теленку, бесспорно, было очень плохо, и кровь из заднего прохода у него действительно шла. Но не как при сальмонеллезе.

– Поноса у него нет, мистер Пикерсгилл, вы сами видите. Наоборот, впечатление такое, что у него трудно с проходимостью. Кровь же почти чистая. И температура не очень высокая.

В голосе фермера прозвучало явное разочарование.

– Черт, а я-то думал, что у него все точь-в-точь как объясняли. Сказали еще, что следует пробы посылать в Лабрадор.

– А... э?

– В следовательский Лабрадор. Да вы же знаете!

– Да-да, совершенно верно. Но, думаю, анализы тут ничего не дадут.

– Ну а что же у него тогда? С андусом непорядок?

– Нет-нет, – ответил я. – Но где-то кишечник у него закупорился, и это вызывает кровотечение. – Я поглядел на понурого, горбящего спину теленка. Он весь был сосредоточен на неприятных внутренних ощущениях и время от времени напрягался и кряхтел.

Конечно-конечно, мне следовало бы сразу понять, в чем дело, ведь картина была на редкость четкой. Но вероятно, у каждого из нас есть свои слепые пятна, не дающие различить то, что прямо в глаза бросается, и несколько дней я, как в тумане, пичкал бедняжку то тем, то этим – даже вспоминать не хочется.

Но мне повезло. Он выздоровел вопреки моему лечению. И только когда мистер Пикерсгилл показал мне комочек омертвевшей ткани, вышедшей с экскрементами, я наконец понял.

– Это обрывок омертвевшей кишки, которая сама в себя втянулась. Инвагинация. Обычно она приводит к гибели животного, но, к счастью, ваш теленок избавился от препятствия естественным путем и теперь должен совсем поправиться.

– Но как вы сказали? Что у него было-то?

– Инвагинация.

Губы мистера Пикерсгилла зашевелились, и я ожидал, что он вот-вот повторит новое словечко. Но попытка, по-видимому, не удалась.

– А! – сказал он только. – Вот, значит, что у него было!

– Да, но в чем заключалась причина, определить трудно.

Фермер презрительно фыркнул:

– Хотите об заклад побиться, я вам скажу! Я с самого начала, доложу вам, говорил, что расти он будет слабеньким. У него из пупка кровь шла, потому что родился-то он в проценте!

Но мистер Пикерсгилл со мной еще не кончил. Не прошло и недели, как я вновь услышал в трубке его голос:

– Поскорее приезжайте! У меня тут свинья безик устроила.

– Безик? – Я даже замигал, отгоняя от себя видение двух хрюшек, затеявших перекинуться в картишки. – Боюсь, я не совсем...

– Я ей микстуру от глистов дал, а она запрыгала и ну на спине валяться. Говорю же вам, самый настоящий безик.

– А... да-да, я... да-да. Сейчас приеду.

Когда я приехал, свинья немного уgomонилась, но все еще страдала от боли: ложилась, вскакивала, кружила по закутку. Я ввел ей гран гидрохлорида морфия, и через несколько минут движения ее замедлились, а затем она улеглась на солому и уснула.

– По-видимому, все обойдется, – сказал я. – Но какую микстуру вы ей дали?

Мистер Пикерсгилл неохотно протянул мне бутылку:

– Тут один заезжал – продавал их. Сказал, что любых глистов изничтожит, какие только есть.

– Вот и вашу свинью тоже чуть не изничтожило, верно? – заметил я, нюхая жидкость. – И неудивительно. Судя по запаху, это же почти чистый скипидар.

– Скипидар? Ох черт, только-то? А он-то божился, что средство самое новейшее. И деньги с меня содрал кардинальные.

Я вернул ему бутылку:

– Ну ничего. Дурных последствий, мне кажется, не будет, но место этой бутылке – в мусорном ведре, поверьте.

Садясь в машину, я поглядел на мистера Пикерсгилла:

– Я вам, наверное, порядком надоел. Сначала мастит, потом теленок, и вот теперь свинья. Целая полоса незадач.

Мистер Пикерсгилл расправил плечи и поглядел на меня с монументальным спокойствием.

– Молодой человек, – сказал он, – я на это просто смотрю. Со скотиной без беды не обойтись. А я, позвольте вам доложить, по опыту знаю, что беда – она всегда ходит циклонами.

Свинья Пруденция свою выгоду знает

– Послушай, Джим, – сказала Хелен, – нам никак нельзя опаздывать. Миссис Ходжсон – удивительно милая старушка, она ужасно огорчится, если мы задержимся и ее ужин перестоит.

Я кивнул:

– Ты абсолютно права, этого допустить нельзя. Но у меня после обеда только три вызова, а вечер взял на себя Тристан. Так что я не задержусь.

Подобные тревоги из-за простого приглашения на ужин могут кому-нибудь показаться преувеличенными, но для ветеринаров и их жен, особенно в те времена, когда человек работал один или с единственным помощником, опасность оказаться грубо невежливым была вполне реальной. Мысль, что кто-то приготовит для меня угощение, а потом будет сидеть в напрасном ожидании, необыкновенно меня пугала, но такое случалось со всеми нами. Этот страх воскресал во мне всякий раз, когда нас с Хелен куда-нибудь приглашали, – тем более если приглашали люди вроде Ходжсонов. Мистер Ходжсон, на редкость симпатичный старый фермер, был очень близорук, но глаза его за толстыми стеклами очков смотрели на мир безмятежно и ласково. Его жена, такая же добрая душа, как он сам, лукаво покосилась на меня, когда я за два дня до этого заехал к ним.

– Под ложечкой у вас не сосет, мистер Хэрриот?

– Еще как, миссис Ходжсон! Ничего аппетитнее я не видывал!

Я мыл руки на кухне и невольно поглядывал на стол, где во всем великолепии красовалось доказательство того, что свинью для собственного употребления здесь кормили на славу: отбивные на ребрышках, золотистые ряды пирогов, пирамида только что набитых колбас, банки с рублеными ножками и головой. В духовке еще вытапливалось сало, заливавшееся затем в большие горшки.

Старушка внимательно на меня посмотрела:

– А почему бы вам на днях не привезти сюда вечером миссис Хэрриот и не помочь нам со всем этим управиться?

– Вы очень любезны, и я бы с огромным удовольствием, но...

– Нет-нет! И слышать ничего не хочу! – Она засмеялась. – Да и правда, слишком тут всего много, как ни раздаривай!

Она не преувеличивала. В те дни каждый фермер и многие жители Дарроуби откармливали свиней для собственного стола, и время, когда такую свинью кололи, оборачивалось всеобщим пиршеством. Окрока и бока коптились впрок, но все остальное надо было съесть, и поскорее. Для многосемейных фермеров это особых трудностей не составляло, но все прочие щедро оделяли друзей и знакомых восхитительными сверточками, не сомневаясь, что в свой час их одарят тем же.

И вот я беззаботно отправился во вторник в послеобеденный объезд, а передо мной в соблазнительных видениях витал ужин, который миссис Ходжсон уже, наверное, готовит. Я знал, что нас ожидает: отбивные, зажаренные с луком, печенью и ветчиной, окруженные гирляндами домашних сосисок, каких уж теперь не попробуешь! Да, было о чем помечтать!

Собственно говоря, это видение продолжало манить меня и когда я въехал во двор Эдварда Уиггина. Подойдя к большому сараю, я оглядел моих пациентов – десяток молодых бычков, отдыхающих на толстой соломенной подстилке. Мне предстояло вакцинировать их от эмфизематозного карбункула. Без этого, почти наверное, кое-кто из них сдох бы, так как луга вокруг были заражены спорами смертоносной бациллы *Clostridium chauvoei*.

Болезнь достаточно распространенная, и скотоводы еще в старину выискивали способы борьбы с «черноногостью» – например, продергивали бечевку сквозь складку кожи под челюстью. Но мы, к счастью, уже располагали надежной вакциной.

Я полагал, что разделаюсь за несколько минут – Уилф, работник мистера Уиггина, удивительно ловко умел ловить животных. Но тут я увидел, что через двор ко мне идет сам фермер, и сердце у меня упало: в руке он нес свое лассо. Шагавший рядом с ним Уилф посмотрел на меня и страдальчески возвел глаза к небу. Он тоже явно опасался худшего.

Мы вошли в сарай, и мистер Уиггин принялся тщательно сматывать свою длинную белую веревку, а мы с Уилфом тоскливо наблюдали за ним. Этот щуплый старичок в молодости несколько лет прожил в Америке. Рассказывал он об этих годах весьма скупое, но мало-помалу у всех сложилось впечатление, что был он там ковбоем: во всяком случае, говорил он с мягкой техасской оттяжкой и прямо источал суровую романтику ранчо и бескрайних прерий. Все, хоть как-то связанное с Диким Западом, он обожал, и в первую очередь – свое лассо.

Задеть мистера Уиггина было не так-то легко, обидные намеки он просто пропускал мимо ушей, но стоило усомниться в его способности одним движением руки заарканить самого дикого из быков, как тихонький старичок впадал в ярость. Беда была лишь в том, что сноровка эта существовала только в его воображении.

Наконец мистер Уиггин ухватил конец лассо с петлей, закрутил его у себя над головой и начал подбираться к ближайшему бычку. Вот петля взвилась в воздух... и произошло то, что должно было произойти: веревка шлепнулась на спину бычка и соскользнула на солому.

– О, чтоб тебя! – выдохнул мистер Уиггин и начал все сначала. Двигался он с величавой неторопливостью, и можно было с ума сойти, глядя, как он вновь тщательно сворачивает лассо. Казалось, прошло сто лет, прежде чем он опять двинулся к бычку, крутя петлю над головой.

– А, черт! – буркнул Уилф, когда лассо хлестнуло его по лицу.

Хозяин свирепо накинулся на него:

– Не лезь под руку, Уилф! Вот и начинай из-за тебя сначала!

На этот раз петля прямо шлепнулась на солому, и, когда мистер Уиггин потянул лассо к себе, мы с Уилфом безнадежно привалились к стене.

Вновь петля взмыла в воздух, закрученная с такой силой, что достигла стропил, где и застряла. Мистер Уиггин дернул лассо раз-другой, но тщетно.

– У, койот тебя заешь! За гвоздь зацепилась! Сбегай-ка во двор, Уилф, приволоки лестницу.

Пока я ждал, чтобы Уилф принес лестницу, а потом наблюдал, как он карабкается по ней под сумрачную крышу, мысли мои были заняты тайной мистера Уиггина. И его оттяжка, и ковбойские словечки для Йоркшира особой новостью не были, проникая сюда из-за Атлантического океана в книгах и фильмах. Собственно говоря, ходили темные слухи, будто мистер Уиггин оттуда их и позаимствовал, а никакого ранчо даже близко не видел. Как знать...

Наконец лассо было высвобождено, лестница убрана, и весь процесс повторился заново. Старичок опять промахнулся, но бычок ненароком наступил в петлю, и несколько секунд фермер с испуганной решимостью висел на веревке, а бычок пружинисто брыкался, стараясь сбросить стеснительную помеху. И, глядя на сосредоточенное морщинистое лицо, на дергающиеся худые плечи, я вдруг понял, что мистер Уиггин не просто ловит полувзрослого теленка для инъекции, но готовится повалить на бегу бешеного быка, и ноздри его втягивают воздух прерий, а уши внемлют тявканью койота.

Бычок незамедлительно высвободился, и мистер Уиггин, буркнув: «У, змей гремучий!» – приступил к делу снова. Он бросал и бросал лассо впустую, а я с тревогой думал, что время идет и шансы провести нормально вакцинацию стремительно уменьшаются. Когда имеешь дело с молодым, самое главное – не взбудоражить животных. Если бы не мистер Уиггин, мы с Уилфом осторожно оттеснили бы бычков в угол, и Уилф поочередно хватал бы их за носы могучими ручищами.

А теперь они взбудоражились дальше некуда. Еще недавно один мирно жевал жвачку, другие лакомились клочьями сена из кормушки, но теперь, раздраженные хлещущей и полза-

ющей веревкой, они носились по сараю точно скаковые лошади. Мы с Уилфом наблюдали в угрюмом молчании, как мистеру Уиггину удалось-таки набросить лассо на шею бычка, но петля оказалась слишком широкой и соскользнула на туловище. Бычок вырвался из нее с гневным мычанием и помчался по кругу галопом, брыкаясь и вскидывая голову. Я уныло смотрел на мечущееся маленькое стадо – с каждой минутой происходящее все больше смахивало на родео.

Назревала катастрофа. После обеда мне пришлось посмотреть в приемной двух собак, и из дома я уехал почти в половине третьего. Теперь стрелки неумолимо приближались к четырем, а я не сделал ровно ничего.

Наверное, так оно и продолжалось бы без конца, если бы не вмешалась судьба. Внезапно, по капризу случая, мистер Уиггин набросил петлю точно на рога проносившемуся мимо четвероногому снаряду, она затянулась на шее, и мистер Уиггин на другом конце лассо, изящно пролетев по воздуху шагов десять, хлопнулся в деревянную кормушку.

Мы кинулись к нему и помогли встать. Он был цел и невредим, хотя заметно ошеломлен.

– Так его и разэдак! Не удержал подлюгу, – буркнул он. – Пожалуй, я дома пока посижу.

А вы сами с ними разберитесь.

Когда мы вернулись к бычкам, Уилф сказал мне вполголоса:

– Вот уж верно, не было бы счастья, да несчастье помогло. Теперь можно и за дело взяться. И может, он хоть на недельку позабудет про свое чертово лассо!

Хватать за нос бычков теперь было уже поздно, зато Уилф показал мне, как работают с веревкой по-йоркширски. Многие местные скотники были настоящими мастерами, и я следил за ним с наслаждением: миг – и одна петля ложится на уши, а другая обвивает нос.

Прямо-таки ослабев от внезапного облегчения, я вытащил бутылку с вакциной, шприц – и через двадцать минут все десятеро получили по инъекции.

В машине я взглянул на часы, и сердце у меня заколотилось. Без четверти пять! А у меня еще два вызова. С другой стороны, до семи еще два часа, и вряд ли меня подстерегает второй мистер Уиггин. Глядя на мелькающие мимо каменные стенки, я вновь принялся гадать, был ли все-таки старичок в юности ковбоем, или это – мечта о несбывшемся.

Тут мне вспомнился некий вечер в четверг, когда мы с Хелен выходили из бротонского кинотеатра, посещением которого обычно завершался мой свободный день. Фильм был американский, о ковбоях, и в дверях, взглянув на темный задний ряд, я в дальнем его конце обнаружил мистера Уиггина, который с настороженным видом съехал на стуле.

Вот с тех пор во мне и зародились сомнения...

В пять часов я влетел на маленькую ферму двух мисс Данн. Их свинья поранила шею о гвоздь, но мои предыдущие визиты к ним подсказывали, что ничего серьезного меня не ожидает.

Эти две пожилые девицы самостоятельно управлялись на нескольких акрах под деревней Доллингсфорд. Они были интересны потому, что почти всю работу делали без посторонней помощи, а свой скот и прочую живность окружали нежнейшей заботой и баловали точно комнатных собачек. В небольшом коровнике стояли четыре коровы, и всякий раз, пока я осматривал одну, ее соседка нет-нет да и лизала мне спину шершавым языком. Их немногочисленные овцы подбегали к людям на лугу и обнюхивали им ноги на собачий манер, телята ласкаючи обсасывали вам пальцы, а старенький пони приветливо тыкался мордой во всякого, кто оказывался рядом. Единственным исключением в этой дружелюбной компании была свинья Пруденция, избалованная до полного безобразия.

Вот на нее-то я сейчас и смотрел. Она рылась пяточком в соломе у себя в закутке – внушительнейшая грудка мяса и жира, – и четырехдюймовая царапина на толстой шее особенно ее жизни не угрожала. Тем не менее ранка была рваная, и оставлять ее в таком виде не следовало.

– Надо бы наложить пару-другую швов, – сказал я, и дюжая мисс Данн, ахнув, прижала ладонь к губам:

– Боже мой! Ей будет больно? Боюсь, у меня не хватит сил присутствовать!

Я взглянул на ее высокую мощную фигуру, на красное обветренное лицо, на широкие плечи, на вздувающиеся бугры бицепсов и в который раз подумал, что при желании она и в свои пятьдесят лет могла бы одним ударом расплющить меня в лепешку. Но как ни странно, прозаические детали лечения животных настолько ее нервировали, что при отёле, окоте и прочем помогала мне ее миниатюрная сестра.

– Не беспокойтесь, мисс Данн, – заверил я ее, – все будет кончено прежде, чем она успеет понять, что происходит! – С этими словами я перелез через загородку, подошел к Пруденции и легонько потрогал ее шею.

Могучая свинья испустила обиженный визг, словно ее прижгли каленым железом, а когда я попытался дружески почесать ей спину, огромная пасть снова разверзлась и завизжала вчетверо громче. Кроме того, Пруденция угрожающе двинулась на меня. Я стойко удерживал позицию, пока ощеренные желтоватыми зубами челюсти не приблизились к моим лодыжкам, а тогда оперся на верхнюю жердь и выпрыгнул из закуртка.

– Надо перегнуть ее в более тесное помещение, – сказал я. – Тут я зашить ее не сумею. Ей есть где увертываться, а она слишком велика, чтобы ее можно было удержать силой.

Субтильная мисс Данн подняла ладонь:

– У нас есть то, что требуется. В телятнике по ту сторону двора. Стойла там узкие, и, если мы ее туда отведем, ей придется стоять смиренно.

– Отлично! – Я даже руки потерял от удовольствия. – И я смогу шить, стоя в проходе. Так двинуться!

Я открыл дверь, и после долгих уговоров, тычков и подпихивания Пруденция величественно прошествовала во двор. Но там она остановилась как вкопанная, нагло похрюкивая, а глазки ее горели злокозненным упрямством. Я навалился на нее всем весом, но с тем же успехом мог бы попробовать сдвинуть слона. Идти дальше она не желала, а до телятника было пятьдесят шагов. Я покосился на свое запястье: четверть шестого, а я еще и не начинал.

Мои размышления прервала субтильная мисс Данн:

– Мистер Хэрриот, я знаю, как перевести ее через двор.

– Да?

– Да-да. Пруденция и прежде капризничала, но мы нашли способ убеждать ее.

Я с трудом улыбнулся:

– Чудесно! А как именно?

– Видите ли, – обе сестры виновато хихикнули, – она очень любит сухие галеты...

– Простите?

– Она обожает сухие галеты.

– Неужели?

– Безумно.

– Это прекрасно, – сказал я, – но при чем тут...

Дюжая мисс Данн засмеялась:

– Погодите, сейчас сами увидите.

Она неторопливо направилась к дому, и мне пришло в голову, что эти пожилые барышни, хотя и не принадлежали к типичным фермерам йоркширских холмов, видимо, разделяли их глубокое убеждение, что торопиться некуда. Вот за ней затворилась дверь, и началось ожидание. Вскоре я уже не сомневался, что она решила заодно выпить чашечку чая. Постепенно закипая, я повернулся и посмотрел на луг, убегающий по склону к серым крышам и старинной колокольне Доллингсфорда, встающим над деревьями у реки. Тихий мир, которым веяло от этого пейзажа, совсем не гармонировал с моим душевным состоянием.

Когда я уже перестал надеяться, что она когда-нибудь вернется, дюжая мисс Данн спустилась с крыльца с длинной цилиндрической пачкой в руке и поднесла ее к моим глазам с лукавой улыбкой:

– Вот от чего Пруденция никогда не откажется!

Она извлекла галету и бросила ее на булыжник в двух шагах перед рылом Пруденции. Та несколько секунд смотрела на желтоватый кружок непроницаемым взглядом, потом медленно приблизилась к нему, внимательно оглядела и взяла в рот.

Когда она проглотила последнюю крошку, дюжая мисс Данн одарила меня заговорщическим взглядом и бросила перед свиньей еще одну галету. Пруденция вновь шагнула вперед и подобрала лакомство. В результате она несколько приблизилась к службам по ту сторону двора, но только несколько. Я прикинул, что первая галета продвинула ее вперед на пять шагов и вторая примерно на столько же, а до телятника их остается сорок. По две с половиной минуты на галету – значит доберется она до него минут через двадцать!

Я вспотел, видя, что мои опасения более чем оправдываются, ведь никто и не думал торопиться. Особенно Пруденция, которая медленно-медленно сжевала очередную галету, а потом обнюхала землю, чтобы подобрать последнюю крошку под любящими улыбками своих хозяек.

– Извините, – робко произнес я, – но не могли бы вы бросать галету чуть подальше... для экономии времени, так сказать?

Субтильная мисс Данн весело засмеялась:

– Мы пытались, но она редкостная умница! Отлично соображает, что тогда ей достанется меньше галет!

В доказательство своих слов следующую приманку она бросила шагов на восемь впереди свиньи, но та обозрела галету с сардоническим выражением на огромном рыле и соизволила шагнуть, только когда галету подтолкнули ногой на требуемое расстояние. Мисс Данн была права: Пруденция еще с ума не сошла и лишаться собственной выгоды не собиралась.

Я вынужден был беспомощно ждать, скрипя зубами, нескончаемо долгое время, хотя все остальные извлекали из этой томительной процедуры массу удовольствия. Но вот последняя галета летит в телячье стойло, свинья вразвалочку следует за ней, и сестры с торжествующим смешком захлопывают за ней дверцу.

Я подсказываю с иглой и шелком – и, естественно, Пруденция испускает полный ярости визг.

Дюжая мисс Данн заткнула уши и в ужасе сбежала, но ее субтильная сестра мужественно осталась со мной и подавала мне ножницы и дезинфицирующий порошок, едва я знаками объяснял, что мне требуется. Когда я сел за руль, в ушах у меня нестерпимо звенело, однако мне было не до того. Время! Время! Шел седьмой час.

Кольцо в нос за двадцать минут

Я торопливо оценил свое положение. До следующей – и последней на сегодня – фермы две мили. Через десять минут я там. Кладем двадцать минут на работу, еще пятнадцать минут до Дарроуби, молниеносно моюсь, переодеваюсь – и около семи сажусь-таки за стол миссис Ходжсон.

Много времени следующая работа не потребует: продеть кольцо в нос быку, и все. В наши дни с распространением искусственного осеменения иметь дело с быками нам приходится редко – держат их только хозяева больших молочных ферм и племенных заводов, – но в тридцатые годы быки были практически на каждой ферме и вдевание колец входило в самую обычную нашу работу. Кольцо бычок получал примерно в годовалом возрасте, когда наливался силой и с ним становилось трудно справляться.

Еще издали завидев во дворе тощую фигуру старика Теда Бакла и двух его работников, я испытал невероятное облегчение. Меня ждут! Ведь сколько времени напрасно теряет ветеринар, кружа с воплями среди пустых служб, а потом отчаянно размахивает руками на лугу, чтобы привлечь внимание темного пятнышка где-то у горизонта!

– А, молодой человек! – произнес Тед, и даже на это короткое приветствие ему понадобилось порядочно времени. Я с неизменным восторгом слушал старика, говорившего на подлинном йоркширском наречии (воспроизводить которое здесь я и пытаться не стану) с солидной неторопливостью, словно смакуя каждый слог, как смаковал его и мой слух. – Приехали, значит.

– Да, мистер Бакл, и рад, что у вас все готово и вы меня ждете.

– Не люблю я, чтоб человек по делу приехал и зря тут толочся. – Он поглядел на работников. – Ну-ка, ребята, идите в стойло, приготовьте животину для мистера Хэрриота.

«Ребята», Эрнест и Герберт, которым обоим было за шестьдесят, побрели в стойло к быку и закрыли за собой дверь. Оттуда тотчас донеслись глухие удары о дерево и мычание, перемежавшееся добрыми старыми йоркширскими выражениями, затем все стихло.

– Вот и сладили, – буркнул Тед, а я, по обыкновению, удивлялся про себя его одеянию. За все время нашего знакомства я видел его только в этом пальто и в этой шляпе. Пальто, которое в неведомом прошлом, возможно, было макинтошем, вызывало у меня лишь два вопроса: зачем он его надевает и как он его надевает? Длинные, давно утратившие связь между собой лохмотья, перехваченные в талии бечевкой, никак не могли защищать его от непогоды, и одному богу было известно, каким образом он умудрялся различать, где рукава, а где просто дыры. И шляпа! Почти лишившийся тульи фетровый головной убор начала века, поля которого унылыми складками чуть ли не вертикально свисали над ушами и глазами, – неужели он действительно каждый вечер вешает его на колышек, а утром вновь водворяет на голову?

Пожалуй, ответ можно было найти именно в этих полных юмора глазах, безмятежно смотрящих с худого лица. Для Теда ничего не менялось, и десятилетия проходили точно минуты; я вспомнил, как он показывал мне старомодный таган у себя в кухне, на который можно было ставить над огнем кастрюли и котлы. С особой гордостью он продемонстрировал ряд колец, позволявших подогнать отверстие под кастрюлю побольше или, наоборот, поменьше. Можно было подумать, будто речь идет о новейшем изобретении.

– Замечательная штука! И паренек, который мне ее делал, на славу постарался.

– А когда это было, мистер Бакл?

– Да в тысяча восемьсот девяносто седьмом. Как сейчас помню. Этот паренек, он на все руки был мастер.

Тут верхняя створка двери открылась, и работники, держа быка за веревки, вскоре поставили его так, как полагалось для продевания кольца. А обставлялось это настоящим ритуалом, заданным раз и навсегда, точно па в классическом балете.

Эрнест с Гербертом принудили быка высунуть голову над нижней створкой двери и удерживали его в этом положении, натягивая каждый свою веревку. В те дни переносного зажима еще не существовало, и ради безопасности быка оставляли в стойле, державшие же его люди занимали позицию снаружи. Затем пробивалось отверстие в самом конце носовой перегородки с помощью специальных щипцов, которые я уже держал наготове в футляре.

Но прежде мне предстояло проделать небольшую процедуру, мной самим введенную. Обычно отверстие пробивали прямо по-живому, но я полагал, что быкам подобное вряд ли особенно по вкусу, и потому предварительно делал местную анестезию. И вот я нацелил шприц, а Эрнест, державший веревку слева, опасливо вжался в дверь.

– Чегой-то ты бочком встал, Эрнест? – протянул Тед. – Боишься, как бы он на тебя не скаканул?

– Да ну... – смущенно ухмыльнулся Эрнест и укоротил веревку.

Однако тут же отпрыгнул назад: я вонзил иглу в хрящ у края ноздри, и бык с оскорбленным мычанием всей тушей взвился над дверью. Тед слишком тянул с окольцеванием – моему пациенту было уже почти полтора года, к тому же он отличался крупным сложением.

– Держите его, ребята, – пробормотал Тед, но работники уже повисли на веревках. – Вот и ладно. Сейчас он уймется.

И действительно, через минуту огромная морда уже легла на верхний край дверной створки, удерживаемая в этой позиции туго натянутыми веревками. Можно было приступить к следующему этапу. Я вложил в ноздри пробойные щипцы и стиснул ручки. В эти моменты я совсем не чувствовал себя дипломированным специалистом! Впрочем, анестезия свою роль сыграла, и бык даже не дрогнул, когда щипцы сомкнулись, пробив в хряще круглую дырку.

Затем наступил следующий торжественный момент: я извлек из бумажной обертки бронзовое кольцо, вывинтил винт и разомкнул соединенные шарниром половинки, ожидая неизбежную фразу, которая тут же и прозвучала.

– Сними-ка кепку, Герберт, – распорядился Тед. – Небось за минуту простуда тебя не одолеет.

Кепка, обязательно кепка! Ведерко или широкая миска подошли бы куда лучше! Винтик, конечно, дурачки крохотный, и отверточка тоже... И все-таки непременно кепка. Такая вот засаленная кепчонка, которую стянул с лысой макушки Герберт.

Теперь мне предстояло продернуть кольцо в пробитое мною отверстие, сомкнуть его, вставить винт и закрутить его как можно туже. Вот тут-то и требовалась кепка: ее держали под кольцом на случай, если животное вдруг дернет головой. Упадет винт в грязь и солому – пиши пропало! А когда я кончу завинчивать, Тед подаст мне рашпиль или напильник, обязательно имеющийся у любого фермера, и я аккуратно заровняю кончик винта, нужно это или нет.

Однако на сей раз устоявшийся порядок был нарушен. Когда я с кольцом в руке приблизился к морде молодого быка, широко расставленные глаза под крутыми рогами поглядели мне прямо в зрачки. И вероятно, когда я протянул руку, он шевельнулся. Во всяком случае, открытый конец кольца царапнул его по губе. Самую чуточку. Но он, по-видимому, счел это личным оскорблением, потому что испустил раздраженный рев и снова взвился на задних ногах.

В свои полтора года он успел обрести могучие пропорции и в этой позе выглядел весьма внушительно; когда же его передние ноги оперлись о створку и огромная грудная клетка нависла над нами, он показался мне великаном.

– Сейчас выпрыгнет, подлюга! – охнул Эрнест и выпустил веревку. За эту работу он взялся без особого восторга и теперь сложил с себя свои обязанности без малейших сожалений. Герберт, однако, был скроен из другого материала и висел на своем конце с угрюмым

упорством. Но бык танцевал над ним, одно раздвоенное копыто просвистело возле его уха, другое чуть не задело лысую макушку, и, не выдержав, Герберт тоже обратился в бегство.

Тед, как всегда сохранявший безмятежное спокойствие, находился далеко в стороне, так что перед створкой теперь прыгал я один, отчаянно размахивая руками в тщетной надежде заставить быка попятиться, но единственное, что меня удерживало там, было горькое сознание, что каждый дюйм, на который он вздымался над створкой, все больше и больше отдаляет меня от сказочного ужина миссис Ходжсон.

Я не отступал, пока фыркающее, мычащее двурогое не выбралось на две трети наружу, на миг нелепо повиснув на створке, которая глубоко погрузилась ему в брюхо. Но тут бык с последним усилием вывалился во двор, и я задал стрекача. Впрочем, он не помышлял о мести – а взглянул на открытые ворота, за которыми простирался луг, и промчался сквозь них со скоростью экспресса.

Из-за штабеля молочных бидонов я с тоской наблюдал, как он выделяет радостные кубереты на сочной траве, упиваясь нежданно обретенной свободой. Брыкаясь, вскидывая голову, задрав хвост, он понесся к дальнему горизонту, где широкое пастбище спускалось к ручью, петлявшему по неглубокой ложбине. И когда он скрылся в ней, то унес с собой мою последнюю надежду отведать божественные отбивные.

– Его, подлюгу, и за час не изловишь, – угрюмо предсказал Эрнест.

Я взглянул на часы. Половина седьмого. Жестокая несправедливость случившегося совсем меня сокрушила, и я испустил вопль негодования:

– Да, черт подери, а мне надо в семь быть в Дарроуби! – Я заметался по булыжнику, потом остановился перед Тедом. – Мне уж никак не успеть... Я должен предупредить жену... Есть у вас телефон?

Тед ответил мне неторопливее обычного:

– Нету. Мне эти телефоны ни к чему. Не верю я в них. – Он выудил из кармана жестянку из-под табака, извлек из нее выдавшие виды часы и уставился на циферблат. – Да и чего ж вам к семи в Дарроуби не вернуться?

– Но... но... это невозможно. А заставлять их ждать я никак не могу... Мне необходимо позвонить.

– Не кипятитесь так, молодой человек! – Длинное худое лицо Теда сморщилось в умиротворяющей улыбке. – Говорю же вам, успеете вовремя.

Я взмахнул рукой:

– Он же только сейчас сказал, что быка скорее чем за час не изловить!

– Как бы не так! А Эрнест, он такой – ему только тогда хорошо, когда плохо. Быка я вам через пять минут приведу.

– Через пять минут?! Быть не может! Я... я съезжу до ближайшего телефона, а вы его пока ловите.

– И думать не моги, малый! Поди-ка присядь вон там! – Тед указал на каменную поилку у стены. – Передохни, а я через пять минут тебе его представлю.

Я уныло опустил на шероховатый камень и закрыл лицо руками. А когда снова посмотрел вокруг, старик как раз выходил из коровника позади коровы весьма почтенного возраста. Судя по кольцам на рогах, ей было лет пятнадцать, худой таз торчал, как подставка для шляп, а обвислое вымя почти мело землю.

– Иди-иди, старушка, – сказал Тед, и старая корова трусцой направилась на луг, а вымя раскачивалось на каждом шагу. Я следил за ней, пока она не скрылась в ложбине, а потом обернулся и увидел, что Тед накладывает в ведро питательные брикеты.

Затем он пошел с ведром к воротам. Под моим недоуменным взглядом начал греметь по нему палкой и почти запел жиденьким тенорком:

– Сюда, сюда, моя умница! Поди сюда!

Почти тут же над краем лощины появилась корова, а за ней по пятам шагал бык. Тед загрохотал по ведру, и, к моему изумлению, корова припустила тяжелым галопом. Мой пациент держался чуть сбоку от нее. Добравшись до старика, она сунула голову в ведро, а бык, хотя почти ее перерос, подсунул нос ей под брюхо и забрал в огромный рот один из сосков. Вид был на редкость нелепый, но корова словно не замечала, что бык, почти опустившись на колени, сосет ее, как новорожденный теленок.

На него же этот напиток оказал самое умиротворяющее действие, и, когда корову вели в коровник, он последовал за ней, а затем без малейшего протеста позволил мне продеть ему в нос кольцо и завинтить винт, который, к счастью, никуда из кепки Герберта не укатился.

– Без четверти семь! – пропыхтел я, весело прыгая за руль. – Я еще успею! – И я представил себе, как мы с Хелен поднимаемся на крыльцо Ходжсонов, дверь гостеприимно распахивается и из нее вырывается небесное благоухание отбивных и жареного лука.

Я взглянул на обтрепанную тощую фигуру, на глаза, безмятежно выглядывающие из-под обвислых полей бывшей шляпы.

– Мистер Бакл, вы просто чудо сотворили. Я бы не поверил, если бы сам не видел! Поразительно, как это бык вот так пошел за коровой...

Старик улыбнулся, и на меня пахнуло мудростью самой земли.

– Да чего тут удивляться-то? Самая что ни на есть натуральная штука. Корова-то ему матерью доводится.

Друзья и враги домашнего вина

Его называли «понедельниковой хворью» – этот неообразимый отек задних ног упряжной лошади, простоявшей в конюшне субботу и воскресенье. Внезапное прекращение обычной нагрузки и неподвижность вызывали резкий лимфостаз и отек, который в первый рабочий день недели не одного фермера ставил в безвыходное положение.

Но был уже вечер среды, и могучий мерин мистера Крампа заметно поздоровел.

– Ну, эта нога уже наполовину тоньше, чем была, – сказал я, проводя ладонью по внутренней стороне пута, ощущая вдавленности, которые мои пальцы оставили на еще не рассосавшемся отеке. – Вижу, вы тут потрудились!

– Делал, что вы сказали, – ответил мистер Крамп с обычной лаконичностью. Но я знал, что он несколько часов клал припарки на ногу, массировал ее и заставлял лошадь ходить, как я посоветовал ему в понедельник, когда ввел ей адреналин.

Я начал наполнять шприц для вторичной инъекции.

– Рожь вы ему не даете?

– Нет. Только отруби.

– И отлично. Думаю, еще день-другой – и все пройдет, если вы будете продолжать лечение.

Фермер только крикнул, а его багровое лицо сохранило обычное, чуть удивленное выражение, словно мои слова его вовсе не обрадовали. Но я знал, что он доволен. Мерин был его любимцем, и в понедельник он не сумел скрыть, как тревожился и как принимал к сердцу страдания и испуг животного.

Я вошел в дом, чтобы вымыть руки, и мистер Крамп проводил меня на кухню, грузно шагая впереди. С медлительностью, свойственной крупным людям, он подал мне мыло и полотенце, отступил немного и молча смотрел, как я наклоняюсь над неглубокой, но длинной керамической раковиной коричневого цвета.

Я кончал вытирать руки, когда он кашлянул и спросил робко:

– Может, попробуете моего винца?

Не успел я ответить, как из комнат вышла миссис Крамп, хлопотливо надевая шляпу. За ней появились их сын и дочка лет четырнадцати-пятнадцати, тоже одетые для улицы.

– Альберт, ты опять! – сердито сказала фермерша. – Не хочет мистер Хэрриот пробовать твое вино. Довольно, кажется, пичкать им всех и каждого!

Мальчик ухмыльнулся:

– У папаши это пунктик. Все время высматривает новую жертву!

Его сестра присоединилась к общему смеху, и мне стало неловко при мысли, что мистер Крамп у себя дома лишний.

– Мы идем в клуб на школьный спектакль, – энергично заявила его супруга. – И уже опаздываем, так что всего хорошего!

Она быстро удалилась в сопровождении детей, и грузный мистер Крамп смущенно уставился им вслед.

Руки я кончил вытирать в полном молчании, но затем спросил:

– Ну а как насчет обещанного?

Он нерешительно посмотрел на меня, и лицо его приняло еще более удивленное выражение.

– А вы... вы правда хотели бы попробовать?

– С большим удовольствием. Я еще не ужинал, и посошок на дорожку будет не лишним.

– Так я сейчас!

Он скрылся за дверью кладовой в глубине кухни и тотчас вернулся с бутылкой янтарной жидкости и рюмками.

– Это мое ревенное, – сказал он, наливая щедрой рукой.

Я осторожно попробовал, сделал глоток побольше и охнул, словно проглотил жидкий огонь.

– Крепкая штука! – сказал я, переводя дух. – Но вкус очень приятный. Да, очень.

Под одобрительным взглядом мистера Крампа я отпил еще.

– В самый раз, – сказал он. – Выдерживалось два года.

Я допил рюмку. Вино уже не прокладывало огненной дорожки до желудка, но словно плескалось в пустоте о его стенки, а ноги выюнком оплетала приятная теплота.

– Прелесть, – сказал я. – Чудо!

Фермер даже плечи расправил. Он снова наполнил рюмки и с восторженным вниманием следил, как я пью. Когда рюмки опустели, он вскочил на ноги:

– А теперь я угощу вас кое-чем другим! – Он легкой рысцей направился в кладовую и вернулся с другой бутылкой – на этот раз с бесцветным содержимым.

– Бузинное, – объяснил он, слегка отдуваясь.

Я попробовал и был поражен тонким букетом: на языке у меня словно танцевали сверкающие пузырьки.

– Просто потрясающе! Настоящее шампанское. Нет, у вас талант! Я даже не представлял себе, что домашнее вино может быть таким вкусным.

Мистер Крамп секунду смотрел на меня молча, и вдруг уголок его рта задергался и все лицо осветилось неожиданной застенчивой улыбкой.

– От вас первого такое слышу. А то можно подумать, что я людей травлю, когда предлагаю им своего винца. Так и воротят нос, а виски и пиво пьют и не морщатся.

– Ну им же хуже, мистер Крамп! – Я смотрел, как он вновь наполняет мою рюмку. – Ни за что бы не поверил, что такую прелесть можно делать самому. – Я посмаковал глоток бузинного. – Нет, правда, не хуже шампанского...

Я еще не допил и половины, как мистер Крамп вновь зарысил в кладовую, откуда донеслось позвякивание. Он появился с бутылкой, полной чем-то кроваво-красным.

– Ну-ка, попробуйте! – пропыхтел он.

Я уже ощущал себя заправским дегустатором и первую капельку катал на языке, слегка прищурившись:

– Н-да... гм... а-а! Просто марочный портвейн, но и еще что-то. Особенное послевкусие. И что-то знакомое... Это же...

– Ежевика! – торжествуя провозгласил мистер Крамп. – На славу удалось. В позапрошлую осень я его делал. Ежевичный был год.

Откинувшись, я отхлебнул бархатное темное вино. Оно ласкало рот, согревало и прятало в себе еле уловимый намек на вяжущий вкус ягод. Перед моими глазами словно повисали тяжелые гроздья, глянцеvито-черные, поблескивающие в лучах осеннего солнца. Эта идиллическая картина соответствовала моему настроению, которое с каждой минутой становилось все величественнее. Мой взгляд с благодушным одобрением скользил по деревенской кухне, уютной, без претензий, по свисающим с крючьев окорокам и кускам копченой грудинки, по лицу гостеприимного хозяина напротив, не спускающего с меня жадных глаз. Только сейчас я заметил, что он так и не снял кепку.

– А знаете, – произнес я, поднимая рюмку и изучая на свет ее рубиновое содержимое, – просто не могу решить, какое из ваших вин мне нравится больше. Они все одинаково превосходны и при этом совсем не похожи одно на другое.

Мистер Крамп тоже расслабился. Он откинул голову, радостно хохотнул и тут же снова наполнил рюмки.

– Это еще что! У меня там десятки бутылок, и все разные. Вы еще попробуйте.

Он побрел в кладовую и вернулся с целой охапкой бутылок всех размеров и цветов.

«Какой обаятельный человек, – подумал я. – И как же я в нем ошибался! Так легко было счесть его бесчувственным тупицей, а теперь его лицо просто светится дружелюбием, радушием, живым умом».

Забыв обычную неловкость и скованность, поглаживая принесенные бутылки, он быстро и горячо заговорил о винах и тонкостях их изготовления.

Блестя глазами, он увлеченно рассуждал о прихотях брожения и выпадения в осадок, о послевкусии и букете. Он, как знаток, сравнивал достоинства шамбертена и нюи-сен-жорж, монтрашета и шабли. Энтузиазм заразителен, но фанатизм неотразим, и я сидел околдованный, а мистер Крамп ставил и ставил передо мной все новые образчики своих достижений, умело чередуя и смешивая их.

– А это вам как?

– Очень неплохо...

– Или чуть сладковато?

– Пожалуй...

– Верно! А вот если так? – Добавляются тщательно отмеренные капли из безымянной бутылки. – Ну что скажете?

– Чудесно!

– А теперь вот это. Островато, а?

– Ну-у... Может быть...

Вновь в рюмку падают таинственные капли, и вновь тревожный вопрос:

– Так лучше?

– Идеально.

Сам он пил со мной – рюмка в рюмку. Мы отведали вина из пастернака и одуванчиков, из первоцвета и петрушки, клевера, крыжовника, свеклы и лесных яблок. Как ни невероятно, но вино из турнепса оказалось настолько восхитительным, что я попросил вторую рюмку.

Мало-помалу все вокруг теряло темп, замедлялось. Время и вовсе остановилось, утратило смысл. Тот же процесс происходил и с мистером Крапом: наша речь, наши движения становились все размеренней, все неторопливее. В кладовую он теперь шествовал с некоторым трудом, иногда выбирая сильно извилистый путь, а один раз оттуда раздался оглушительный грохот – я даже испугался, что Крапом шлепнулся среди своих бутылок, а они рухнули на него. Но я не встал и не пошел посмотреть, что случилось, а некоторое время спустя он вновь присоединился ко мне – словно бы целый и невредимый.

Было около девяти часов, когда в наружную дверь легонько постучали. Но я ничего не сказал, потому что не хотел перебивать мистера Крапа.

– Эт-та, – говорил он, нагибаясь ко мне и постукивая указательным пальцем по пузатой бутылке, – эт-та почище мозельвейна, вот так. Прошлогоднее, и буду вам весьма обязан, коли вы скажете, как оно вам.

Он нагнулся над самой рюмкой и заморгал, но налил ее.

– Ну и... как же оно? Так – или не так?

Я глотнул и помолчал. К этому времени всякая разница во вкусе успела исчезнуть. А к тому же мозельвейна я не пил ни разу в жизни. Тем не менее я утвердительно кивнул в ответ и торжественно икнул.

Мистер Крамп дружески опустил ладонь мне на плечо и собрался сказать еще что-то, но тут и он расслышал стук. Не без труда поднявшись и добредя до двери, он открыл ее. На пороге стоял какой-то паренек.

– У нас корова телится, – расслышал я его сбивчивые слова. – Мы позвонили к ним, а они сказали, что он, может, еще тут.

Мистер Крамп обернулся ко мне:

– Это Бамфорды. До их фермы всего миля. Так вы им требуетесь.

– Хорошо! – Я поднялся на ноги, но сразу уцепился за край стола, потому что кухня вихрем закружилась вокруг меня. Потом остановилась, но тут же выяснилось, что мистер Крамп стоит наверху довольно крутого подъема. Когда я вошел в кухню, пол вроде был вполне горизонтальным, но сейчас мне пришлось взбираться под углом чуть ли не в сорок пять градусов.

Когда я добрался до двери, мистер Крамп мрачно вглядывался в темноту.

– Льет, – сказал он. – Как из ведра.

Я увидел струи темной воды, равномерно хлещущие по булыжному двору. До моей машины было несколько шагов, и я перешагнул порог, но тут мистер Крамп схватил меня за плечо:

– Минутку. Так я вас не отпущу! – Он укоризненно поднял палец, отошел к комоду, извлек из ящика твидовую кепку и учтиво вручил ее мне.

Я в любую погоду ходил с непокрытой головой, но такая заботливость глубоко меня тронула, и я молча потряс руку мистера Крампа. Естественно, что человек, который не снимал кепки даже у себя в кухне, не мог не ужаснуться при мысли, что кто-то выйдет под дождь без головного убора.

Кепка, которую я на себя нахлобучил, была огромной – эдакий широченный блин, способный, решил я, предохранить от любого ливня не только мои волосы, но и плечи, и даже ноги.

С мистером Крампом я простился с величайшей неохотой, и все время, пока я устраивался на сиденье поудобней и вспоминал, как включается первая скорость, его грузная фигура темным силуэтом вырисовывалась в освещенном прямоугольнике кухонной двери. Он ласково махал мне рукой, и, наконец тронув машину с места, я пришел к убеждению, что в этот вечер родилась чудесная вечная дружба.

Я с черепашьей скоростью полз по узкой темной дороге, почти утыкаясь носом в стекло, и мной все больше овладевали странные, незнакомые ощущения. Губы слипались, язык приставлял к нёбу, словно я пил не вино, а жидкий клей, дыхание свистело в ноздрях, как ветер в дверной щели, глаза же упорно косили в разные стороны. К счастью, мне встретилась только одна машина, ввергнувшая меня в полное недоумение: пока она приближалась, я успел заметить, что фар у нее почему-то четыре пары, причем они то соединялись в одну, то снова расчленились.

Во дворе бамфордовской фермы я вылез из машины, кивнул куче теней, стоявших там, ощупью извлек из багажника бутылку дезинфицирующей жидкости и веревочные петли, а затем решительным шагом направился в коровник. Кто-то поднял керосиновый фонарь над коровой, которая лежала в стойле на толстой подстилке из соломы и тужилась. Я увидел копытце, потом корова поднатужилась еще больше, на мгновение показалась мордочка, но тотчас исчезла, едва корова расслабилась.

Где-то в самых недрах моего сознания абсолютно трезвый ветеринар пробормотал: «Одностороннее сгибание передней конечности, а корова крупная, места предостаточно – пустяки!» Я обернулся и в первый раз посмотрел прямо на Бамфордов. Я еще не был с ними знаком, но сразу определил, что это за люди: простые, добрые, всегда старающиеся показать себя с наилучшей стороны. Двое пожилых мужчин, видимо, братья, и двое парней, наверное, сыновья того или другого. Все четверо выжидательно смотрели на меня в смутном свете, чуть приоткрыв губы, словно готовясь при малейшем предлоге весело ухмыльнуться или захохотать.

Я расправил плечи, набрал воздуха в грудь и громким голосом объявил:

– Будьте добры, принесите ведро горячей воды, мыло и полотенце.

То есть я собирался сказать именно это, но почему-то произнес свою просьбу на каком-то неведомом наречии, возможно африканском. Бамфорды насторожились, готовые исполнить

любое мое распоряжение, но лица их выразили лишь полное недоумение. Я откашлялся, сглотнул, выждал несколько секунд и сделал новую попытку. Но опять по коровнику разнеслись какие-то нечленораздельные выкрики.

Я оказался в трудном положении. Объясняться с этими людьми было необходимо, тем более что они меня не знали и ждали каких-то действий. Вероятно, фигуру я собой являл весьма загадочную: прямая спина, торжественная осанка, и надо всем господствует необъятная кепка. И тут сквозь туман у меня в голове прорвалось озарение: моя ошибка заключалась в излишней самоуверенности. Чем больше я буду повышать голос, тем меньше будет толку. И я попробовал перейти на нежнейший шепот.

– Вы не принесете мне ведро горячей воды, мыло и полотенце?

Без сучка и задоринки! Хотя старший Бамфорд сразу меня не расслышал. Он подошел поближе, приставил ладонь к уху и впился взглядом мне в губы. Потом радостно закивал, пошел на цыпочках к одному из своих сыновей, точно канатоходец, и что-то прошептал ему на ухо. Молодой человек повернулся, крадучись выскользнул из коровника, тщательно прикрыв за собой дверь. Вернулся он через минуту, изящно ступая тяжелыми сапогами по булыжнику, и бережно поставил передо мной ведро.

Я ухитрился снять пиджак, галстук и рубашку без каких-либо происшествий. Бамфорды забрали их у меня в полном безмолвии и повесили на гвозди с чинной торжественностью, словно в церкви. Я решил, что держусь прекрасно, но, когда начал намыливать руки, мыло повело себя как-то странно: оно прыгало с моего локтя на пол, ускользало в сток, уносилось в самые темные углы, а Бамфорды бросались в погоню. Когда же я начал мылить выше локтей, дело пошло еще хуже. Мыло повадилось прыгать через мои плечи, точно белка, и то отлетало от стены, то соскальзывало на пол по спине. Бамфорды не могли предугадать, куда оно прыгнет в очередной раз, и окружили меня, пригнувшись и подняв ладони, чтобы перехватить его на лету.

В конце концов я завершил эту процедуру и готов был приступить к делу, но корова встать не пожелала, и я волей-неволей растянулся на булыжнике позади нее. Едва я лег, как на уши мне сползла кепка. Видимо, я снова надел ее, после того как снял рубашку, только вот зачем?

Я осторожно ввел руку и продвинул ее вдоль шеи теленка, надеясь, что нога согнута в первом или хотя бы во втором суставе. Но меня ждало разочарование: она уходила назад от плеча, плотно прижатая к боку теленка. А впрочем – что тут такого? Просто придется забраться рукой поглубже.

Главное же – теленок был жив! Мое лицо почти упиралось в корову, и каждые несколько секунд передо мной крупным планом возникал нос, и я с радостью видел, как трепещут ноздри, втягивая наружный воздух. Вот выправлю эту ногу – и все будет в полном порядке.

Беда была только в том, что корова, когда я засунул руку поглубже, поднатужилась, мою руку прижало к тазовым костям, и я несколько секунд буквально извивался от боли, пока давление не ослабело. Это повторялось снова и снова, моя кепка каждый раз падала на пол, и заботливые руки тотчас водворяли ее на прежнее место.

Но вот мои пальцы сомкнулись на копытце – ура, можно будет обойтись без веревок! – и я принялся разгибать ногу. Однако времени это заняло больше, чем я рассчитывал, и мне показалось, что теленок начал терять терпение: когда очередная потуга выдвигала его мордочку наружу, мы смотрели друг другу прямо в глаза, и взгляд его говорил яснее всяких слов: «Ну сколько еще можно копать!»

Затем нога поддалась и почти мгновенно заняла нормальное положение.

– Беритесь за ножи, – шепнул я Бамфордам, и, еле слышно посоветовавшись, они заняли нужную позицию. Еще секунда – и на булыжнике уже трясла головой и с шумом выдувала из ноздрей околоплодную жидкость прекрасная телочка.

Шипящим шепотом я указывал, что надо делать дальше, и Бамфорды послушно растерли ее пучками соломы, а затем положили у морды матери, чтобы той удобнее было ее облизать.

Так счастливо завершился один из самых благопристойных отелов, при котором требовалась моя помощь. Никто ни разу не повысил голоса, все двигались только на цыпочках. Пока я одевался, вокруг стояла тишина, точно в храме. Затем я направился к машине, последним пианиссимо пожелал всем спокойной ночи и уехал, а Бамфорды беззвучно помахали мне на прощание.

Сказать, что утром я проснулся с дурной головой, – значит не дать ни малейшего представления о полном крахе моего организма и столь же полном распаде моей личности. Только тот, кому довелось за один присест выпить две-три кварты разнообразных домашних вин, способен вообразить эту чудовищную тошноту, это адское пламя, пожирающее внутренности, эти раздраженные нервы, мучительно отзывающиеся на малейший звук, это черное отчаяние в душе.

Тристан заметил, как я лил в ванной холодную воду себе на язык, и, движимый интуицией, заставил меня проглотить сырое яйцо, пару таблеток аспирина и глоток коньяку. Все это, когда я спускался вниз, давило мне желудок холодным комом.

– Что у вас с ногами, Джеймс? – осведомился за завтраком Зигфрид. (Мне показалось, что у меня над ухом взревел взбесившийся бык.) – Ступаете словно по иголкам.

– Пустяки... – Какой смысл было объяснять ему, что я избегаю ставить пятку на ковер слишком резко, опасаясь, как бы от толчка глаза не выскочили из глазниц? – Вчера вечером я выпил у мистера Крампа несколько рюмок его домашнего вина и, по-видимому, расстроил себе желудок.

– Несколько рюмок! Вы неосторожны. Опаснейшая штука. Кого угодно уложат в лоск. – Он громынул чашкой о блюдо и принялся греметь ножом и вилкой, точно литаврами. – Ну, надеюсь, вы все-таки смогли побывать у Бамфордов?

– Теленка я извлек благополучно, но... немножко перебрал, чего греха таить.

Зигфрид не отказал мне в моральной поддержке.

– Черт побери, Джеймс, Бамфорды же методисты, и очень строгие. Прекрасные люди, но заклятые враги горячительных напитков. Если они заметили, что вы пили, больше они вас к себе не позовут. Так заметили они или нет, как вам кажется?

– Может быть, и нет. Уверен, что нет... – Я закрыл глаза и содрогнулся, потому что Зигфрид отправил в рот кусок колбасы на жареном хлебе и принялся энергично жевать. Мне припомнились заботливые руки, водворявшие необъятную кепку мне на голову, и я испустил мысленный стон.

Нет, Бамфорды, конечно, заметили. Еще как заметили!

Собака миссис Донован

Седовласый джентльмен с приятным лицом не походил на холерика, однако глядел на меня с яростью, а губы его подергивались от возмущения.

– Мистер Хэрриот, – сказал он, – я намерен подать на вас жалобу. Из-за вас моя собака терпит лишние страдания, и мириться с этим я не собираюсь.

– Страдания? Какие?

– Вы прекрасно знаете какие, мистер Хэрриот! Несколько дней назад я приводил ее к вам, и я имею в виду ваше лечение.

Я кивнул:

– Да, я помню... Но при чем тут страдания?

– Так ведь бедный пес волочит ногу, и знающий человек объяснил мне, что это несомненный перелом и следует немедленно наложить гипс! – Старик свирепо выставил подбородок.

– Вы напрасно тревожитесь, – сказал я. – У вашей собаки паралич нерва, вызванный ударом по спине. Если вы будете терпеливо выполнять все мои указания, ей мало-помалу станет лучше. Собственно, я почти не сомневаюсь, что выздоровление будет полным.

– Но нога же болтается!

– Я знаю. Это типичный симптом, и неспециалисту вполне может показаться, будто нога сломана. Ведь боли ваш пес не испытывает?

– Нет... По его поведению этого не скажешь. Но она была так уверена! Непоколебимо.

– Она?

– Да. Эта дама удивительно хорошо понимает животных и зашла узнать, не может ли она помочь выхаживать моего пса. И принесла чудесные укрепляющие порошки.

– А! – Пронзительный луч света рассеял туман в моем мозгу. Все стало совершенно ясно. – Уж не миссис ли Донован?

– Э... да. Совершенно верно.

Миссис Донован была вездесуща. Что бы ни происходило в Дарроуби – свадьбы, похороны, распродажи, – в толпе зрителей обязательно стояла эта низенькая толстая старуха, и черные глазки-пуговицы на смуглом лице бегали по сторонам, ничего не упуская. И обязательно рядом с ней на поводке ее терьер.

«Старуха» – это больше моя догадка. Она, казалось, не имела возраста, и, хотя жила в городе словно бы всегда, лет ей могло быть и семьдесят пять, и пятьдесят пять. Во всяком случае, ее энергии хватило бы на двух молодых женщин: ведь в неукротимом желании быть в курсе всех городских событий она, несомненно, покрывала пешком огромные расстояния. Многие люди называли ее неутолимое любопытство не слишком лестными словами; но, каковы бы ни были ее побуждения, она так или иначе соприкасалась со всеми сферами городской жизни. И одной из этих сфер была наша ветеринарная практика.

Ведь миссис Донован при широте своих интересов была и врачевательницей животных. Можно даже смело сказать, что эта деятельность занимала в ее жизни главное место.

Она могла прочесть лекцию о болезнях собак и кошек и располагала огромным арсеналом всяческих снадобий и зелий, особенно гордясь своими чудотворными укрепляющими порошками и жидким мылом, волшебным улучшающим шерсть. На больных животных у нее был просто особый нюх, и во время объездов я довольно часто обнаруживал следующую картину: над пациентом, к которому меня вызвали, низко наклоняется темное цыганское лицо миссис Донован – она кормит его студнем или пичкает каким-то целительным средством собственного изготовления.

Терпеть от нее мне приходилось больше, чем Зигфриду, потому что лечением мелких животных занимался в основном я. И миссис Донован отнюдь не способствовала осуществле-

нию моей заветной цели – стать настоящим уважаемым специалистом именно в этой области. «Молодой мистер Хэрриот, – доверительно сообщала она моим клиентам, – коров там или лошадей пользует совсем не плохо, вот только про кошек и собак он ничегошеньки не знает».

Разумеется, они ей свято верили и во всем на нее полагались. Она обладала неотразимым мистическим обаянием самоучки, а к тому же – что в Дарроуби ценилось очень высоко – никогда не брала денег ни за советы, ни за лекарства, ни за долгие часы усердной возни с четвероногим страдальцем.

Старожилы рассказывали, что ее муж, батрак-ирландец, умер много лет назад, но, видно, успел отложить кое-что на черный день: ведь миссис Донован живет как ей хочется и вроде бы не бедствует. Сам я часто встречал ее на улицах Дарроуби – месте постоянного ее пребывания, – и она всегда ласково мне улыбалась и торопилась сообщить, что всю ночь просидела с песиком миссис Имярек, которого я смотрел. Сдается ей, она его вызволит.

Но на ее лице не было улыбки, когда она вбежала в приемную. Мы с Зигфридом пили чай.

– Мистер Хэрриот, – еле выговорила она, задыхаясь. – Вы не поедете? Мою собачку переехали.

Я выскочил из-за стола и побежал с ней к машине. Она села рядом со мной, понутив голову, судорожно сжав руки на коленях.

– Вывернулся из ошейника и прыгнул прямо под колеса, – бормотала она. – Лежит на Клиффенд-роуд, напротив школы. А побыстрее нельзя?

Через три минуты мы были на месте, но, еще нагибаясь над распростертым на тротуаре запыленным тельцем, я понял, что сделать ничего невозможно. Стеклeneющие глаза, прерывистое, еле слышное дыхание, бледность слизистых оболочек – все говорило об одном.

– Я отвезу его к нам, миссис Донован, и сделаю вливание физиологического раствора, – сказал я. – Но боюсь, у него очень сильное внутреннее кровоизлияние. Вы успели увидеть, что, собственно, произошло?

Она всхлипнула:

– Да. Его переехало колесо.

Стопроцентно – разрыв печени. Я подсунул ладони под песика и осторожно приподнял его, но в ту же секунду дыхание остановилось, глаза неподвижно уставились в одну точку.

Миссис Донован упала на колени и начала поглаживать жесткую шерсть на голове и груди терьера.

– Он умер? – прошептала она наконец.

– Боюсь, да.

Она медленно поднялась с коленей и стояла среди прохожих, задержавшихся взглянуть, что произошло. Ее губы шевелились, но, казалось, она была не в силах произнести ни слова.

Я взял ее за локоть, отвел к машине и открыл дверцу.

– Садитесь. Я отвезу вас домой, – сказал я. – Предоставьте все мне.

Я завернул песика в свой комбинезон и положил в багажник. Когда мы остановились перед дверью миссис Донован, она тихо заплакала. Я молча ждал, пока она выплачется. Утерев глаза, она повернулась ко мне:

– Ему было очень больно?

– Убежден, что нет. Ведь это произошло мгновенно. Он не успел ничего почувствовать.

Она жалко улыбнулась:

– Бедняжка Рекс. Просто не понимаю, как я буду без него. Вы же знаете, мы с ним не одну милю прошли вместе.

– Да, конечно. У него была чудесная жизнь, миссис Донован. И разрешите дать вам совет: заведите другую собаку. Иначе вам будет слишком тяжело.

Она покачала головой:

– Нет. Не могу. Я его очень любила, моего песика. И вдруг заведу себе другого?

– Я понимаю, что вы сейчас чувствуете. И все-таки подумайте. Не считайте меня бессердечным. Я всегда советую так тем, кто лишился четвероногого друга. И знаю, что это здравый совет.

– Мистер Хэрриот, другой собаки у меня не будет. – Она опять решительно покачала головой. – Рекс много лет был моим верным другом, и я хочу его помнить всегда. А потому больше никакой собаки не заведу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.